

Елена Колина

Предпоследняя правда

Семейная сага

Елена Колина

Предпоследняя правда

«Елена Колина»

2012

Колина Е.

Предпоследняя правда / Е. Колина — «Елена Колина»,
2012 — (Семейная сага)

ISBN 978-5-271-40379-8

В этой книге Вы найдете... себя, маму-папу, своих друзей и родных, то, о чем мечтали, чего боялись, о чем разговаривали, кого любили, во что одевались. Конечно, это шутка, новый роман Елены Колиной не о Вас, конечно, он о других, чужих людях, в чем-то прекрасных, в чем-то ужасных. Но и о каждом из нас. Все «фирменные» черты стиля писательницы – искренность, остроумие, психологизм – в полной драматических событий и неожиданных поворотов истории четырех питерских семей, живущих в знаменитом Толстовском доме. О жизни, полной разочарований и очарований, которой живем мы, все наше поколение, последние пятьдесят лет.

ISBN 978-5-271-40379-8

© Колина Е., 2012
© Елена Колина, 2012

Содержание

Ленинград, 1969 год, обед у Фиры Резник	8
Дневник Тани, 2011 год	13
Дневник Тани	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Колина

Предпоследняя правда

В этой книге нет ничего скопированного с реальности, все совпадения случайны, герои романа не имеют ничего общего с реальными людьми.

В романе упоминаются известные люди, названные своими, известными всем именами, и это может внести некоторую путаницу, поэтому просьба не переносить некоторую кажущуюся достоверность на персонажей романа. Кстати, отличить реальных людей от персонажей нетрудно: они не разговаривают, а персонажи, напротив, весьма разговорчивы.

– Анечка, детка, я твоя мама! Кто еще скажет тебе правду, – тебе 38 лет... Почему ты улыбаешься?! Может быть, я не в курсе дела и ты замужем?! Так ты просто скажи мне «я замужем» и я от тебя отстану!

Аня в сторону:

– Бу-бу-бу, бу-бу-бу...

– Детка, ты думаешь, что я уже ничему не могу тебя научить, но я могу!.. Не имеет значения, что ты не ребенок, не имеет значения, сколько у тебя было мужчин!.. А сколько у тебя было мужчин?.. Больше одного? Нет, просто скажи мне, – больше одного или меньше? Больше одного, но меньше двух?

Аня пишет цифру в воздухе.

– ... ЧТО?! О-о, я умоляю тебя, навсегда забудь цифру 12, как будто ее нет!.. Да, вот так всегда и считай – 10, 11, 13... А что такого особенного тебе надо считать?! Деньги? Так ты их обжулишь на одну купюру, ты же не специально, – скажешь, что мама велела тебе навсегда забыть цифру 12...

Монолог сопровождается Аниными демонстративными вздохами, гримасами, угрожающим прищуром, умильными улыбками и украдкой высунутым языком.

Аня включает компьютер.

– А почему ты дома?! По понедельникам ты должна быть в офисе. В офисе ты могла бы встретить достойного человека. А дома у компьютера ты не встретишь ни одного достойного человека, кроме меня. Почему ты дома в понедельник?!

Аня, не отрываясь от компьютера:

– Сегодня вторник.

– Как это вторник, когда я, твоя мама, говорю тебе, что сегодня понедельник?!

*Сцена из сериала «Понедельник во вторник»,
сценарий Т. Кутельман*

Таня Кутельман родилась в Ленинграде 20 октября 1966 года. Лева Резник родился тремя месяцами раньше, 16 июля. Из роддома Леву и Таню принесли домой, на Рубинштейна, 15, в Толстовский дом.

Толстовский дом, один из самых знаменитых домов в Петербурге, – северный модерн, три соединенных ренессансными арками проходных двора, первый двор выходит на Рубинштейна, третий на Фонтанку... в третьем дворе у нас зимой стоит елка... во дворах фонари, эркеры, галереи, во всем сдержанная буржуазная изысканность декора. В советское время здесь любили снимать кино, выдавая дворы Толстовского дома то за один европейский город, то за другой, а однажды Толстовский дом был как будто Лондон, и здесь как будто жил Шерлок Холмс.

... Во дворе Толстовского дома всегда стоят художники с мольбертами, вьется стайка туристов, туристов привели посмотреть, как здесь красиво... экскурсовод им что-то рассказывает, – можно подслушать, что он говорит.

– Толстовский дом получил премию на Парижской выставке 1911 года. Это изумительный пример стиля «северный модерн»... Что? Сколько стоит квартира в этом доме? Сколько стоит квадратный метр площади в долларах или евро?.. Ну, не знаю, дорого. Иногда в журнале «Элитная недвижимость» можно увидеть объявление: «Продается элитная квартира в знаменитом Толстовском доме». В цене столько нулей, что нужно считать в столбик, сколько это евро или долларов. Это очень дорогая недвижимость, – как на Манхэттене или в центре Парижа... Давайте лучше о прекрасном. Дом построил архитектор Лидваль. В сложную планировку здания включена последовательность трех соединенных арками проходных дворов, ведущая с улицы Рубинштейна на набережную реки Фонтанки. Из-за неправильной конфигурации участка продольная ось дворов имеет излом, поэтому аркады не образуют сквозной перспективы... Господи, ну что еще? Почему во дворе между «лексусом» и «мазерати» стоят раздолбанные «жигули»? Почему, почему... потому что в этом доме еще остались коммуналки...

Толстовский дом – дорогая недвижимость, но это чрезвычайно странная дорогая недвижимость. Когда рекламируют квартиру в «новом элитном доме», обычно приводят аргумент: «Вы будете жить в однородном социальном окружении». Это означает, что рядом с нами не будет людей беднее нас, не будет бомжа, хирурга из детской больницы Раухфуса, пожилой учительницы географии, бедной бабушки, которая по этому двору в блокаду саночки возила. Людей богаче нас тоже не будет, ни одного банкира, олигарха, нефтяного магната. Рядом окажутся только люди, у которых ровно столько же денег, что у нас, и все вместе мы будем как подстриженный газон... Впрочем, так живут во всем мире – в социально однородной среде, как в манной каше без комков. А ведь чем разнее, тем интереснее. Или?..

Толстовский дом – это не вылизанный стерильный дом с однородным социальным окружением, наш дом уникален по своему социальному разнообразию, здесь представлены все варианты жизни, от роскошных квартир до коммуналок, от «лексуса» до разбитых «жигулей». В нашем элитном, элитном, элитном доме полно странностей и противоречий, у нас в одном подъезде позолота и мрамор, в другом кошки и запущенность, а бывает, что на одной лестничной площадке коммуналка и роскошное жилье. Может быть, в целом мире осталось только одноединственное место, где представлена вся жизнь, а не кусочек.

В Толстовском доме большие квартиры... Очень большие квартиры, около двухсот метров. В советское время это были большей частью, конечно, коммуналки. Но и отдельные квартиры тоже были, в них жили академики, артисты, начальники и их дети – золотая молодежь.

Таня Кутельман, дочь профессора Кутельмана, – первый двор, третий подъезд, квартира на третьем этаже.

Виталик Ростов, сын знаменитого пианиста Ростова и певицы Кировского театра Моисевой, – первый двор, первый подъезд, четвертый этаж.

Алена и Ариша Смирновы, дочери первого секретаря райкома Петроградского района, – подъезд напротив Виталика, пятый этаж, квартира напротив лифта.

Лева Резник, сын незначительных родителей, жил во втором дворе, – второй двор в Толстовском доме – это не черный двор, второй так же красив, как первый, – в квартире из семи комнат, где кроме Резников было прописано девятнадцать человек.

... Сейчас, конечно, все изменилось. В огромных квартирах, бывших коммуналках, живут очень богатые люди, для них наш дом, наш любимый старый дом, – «престижное элитное жилье». В бывших профессорских квартирах с отваливающимися обоями и сервантами советских времен осталась старая, очень старая советская интеллигенция или потомки старой советской интеллигенции, они могут пройти по двору своего детства с закрытыми глазами.

Все изменилось... Но не настолько «все», как кажется. Коммуналок еще много осталось. И кто там только не живет – милиционеры, модели, врачи, программисты, безработные. Толстовский дом, как Ноев ковчег, – в нем есть все.

У нас бывает забавно: охранник открывает уважаемому господину Резнику дверь «лексуса» – «пожалуйста, Лев Ильич», а мимо задумчиво тянется сосед в отвисших тренировочных образца 1980 года с помойным ведром в руке и, отталкивая охранника, говорит: «Левка-морковка, дай прикурить». Лев Ильич дает, потому что он – Левка-морковка. Они раньше в одной коммуналке жили.

В новом доме с однородным социальным окружением нет прошлого, нет дружб длиною в жизнь, ссор и романов, любви и предательства, а у нас, а здесь... Как говорил Райкин: «А у нас... а где-еся...» У нас жизнь – как будто долгий-долгий сериал. Драма с элементами комедии, с детективной линией и психологической составляющей.

– Три парадных двора Толстовского дома декорированы так же тщательно, как и фасады. В отделке дворов и фасадов использовались тесаный известняк, кирпич и штукатурка. В отделке дома видны элементы, характерные именно для творчества архитектора Лидваля... Что? Почему в таком дорогом доме до сих пор есть коммуналки? Ну, как почему коммуналки?.. Это же Ленинград. То есть Санкт-Петербург, конечно... Почему я говорю «Ленинград»? Знаете, мы, ленинградцы, когда говорим о прошлом, мы все-таки говорим «Ленинград». Мы ведь родились в Ленинграде, ходили в школу в Ленинграде, и...

И мы боремся с волнами, направляя наши лодки против течения, которое неизбежно относит нас в прошлое.

Фитцджеральд

Ленинград, 1969 год, обед у Фиры Резник

Было три звонка, – к Резникам три звонка.

– Я открою, – Илья бросился в прихожую, в глазах – праздник.

В каждом взрослом мужчине можно увидеть мальчика, нужно только подойти к мужчине как к шедевру, на котором, чтобы скрыть художественную ценность, сделана поздняя запись – к примеру, на мадонне Рафаэля нарисованы лубочная Маша и три медведя. Можно, как говорят реставраторы, «расчистить», осторожно, слой за слоем снять позднюю запись с мужского лица, удалить следы разочарований и побед, жесткости, нежности, неприкаянности, беспомощности... и остального, что у кого есть.

Многих мужчин нужно долго реставрировать, скрести взглядом, чтобы разглядеть в них мальчика, но в тридцатилетнем Илье, не похожем ни на еврея, ни на русского, а похожем на молодого Марлона Брандо, – смягченный вариант молодого Марлона Брандо, – сексапильный, но не агрессивно брутальный, тоньше, изящней, нежней, с ироничной полуулыбкой, – увидеть ребенка было нетрудно. У Ильи Резника были откровенно детские глаза, счастливые и обиженные, как будто он всегда встречает Новый год, а Дед Мороз запаздывает.

– Кто там? – спросил Илья, подходя к двери.

– А там кто? – раздался ответ из-за двери. Шутка привычная, повторялась не раз, но всегда вызвала смех, Илья и в этот раз засмеялся.

– О-о, о-о... Фирка, иди скорей, ты не представляешь, кто к нам пришел! Кутельман с супругой! Эмка, Фаинка, привет! – восторженно завопил Илья и запел: – То ли дождик, то ли снег, то ли гости, то ли нет...

Из кухни появилась Фира, в переднике, с полотенцем на плече, за ней трехлетний Лева.

Фира – смуглая, большеглазая, с тяжелыми веками, ярко накрашенная, губы красные, веки ярко-голубые. Модное синее в розах платье обтягивало пышную грудь и полноватые бедра. Фира – учительница. Странно представить ее с классным журналом под мышкой, зажатую в безликий бежевый кримпленовый костюм и вообще ЗАЖАТУЮ В ШКОЛУ, – ей бы плясать с бубном, кружиться, с хохотом задирая цветастые юбки, но – никакого хохота, никаких юбок. Фира преподавала математику в школе на Фонтанке на полторы ставки плюс классное руководство.

– Сколько раз тебе говорить, – ну и что, что три звонка?! Спроси «кто», дождись ответа, потом открывай, – простой алгоритм, а ты все не понимаешь и не понимаешь!

– А я спросил, спросил! – жалобным подкаблучником припрыгивал Илья, заглядывая Фире в лицо. Это была шутка, у Фиры, как говорила ее мать, характер дай боже, но Илья, высокий, худощавый, красивый, – не подкаблучник.

Илья был красив, – нет смысла уточнять, как именно Илья был красив, какая у него была форма носа или рта, разве имеет значение форма рта, носа, глаз молодого Марлона Брандо, просто он такой, что сердце замирает. Вот и при взгляде на Илью сердце замирало.

Илья был красив и выглядел иностранно и как будто не отсюда – не из этой коммуналки, не из Котлотурбинного института им. Ползунова, где он трудился инженером, не из советской жизни. Илья Резник с его вечной иронической полуулыбкой был похож сразу на всех героев своего времени, на сексапильного Брандо, разочарованных героев Ремарка, мужественных героев Хемингуэя, на европейских интеллектуалов... Конечно, все это – красота, сексапильность, ироничность, было втиснуто в обличье советского инженера, – сшитые в соседнем ателье брюки со старательно выверенным клешем 23 см, белый трикотажный бадлон из Прибалтики, пиджак производства фабрики им. Володарского с модными кожаными заплатками на локтях, вырезанными из старых Фириных сапог. Сшить пиджак в ателье было, как говорила Фирина мама Мария Моисеевна, «не по средствам». Но даже в этой старательно приукрашен-

ной одежде, какую носили тысячи инженеров, Илья не был «человеком Москвошвея», он был похож на кого угодно, только не на советского инженера.

Илья, европейский киногоерой, и Фира, цыганка-молдаванка, были красивая пара, а Кутельманы – некрасивая пара. Фаина – худенькая, приглушенных тонов, такая невзрачная, что за невзрачностью не разглядеть правильные черты лица, и одета как пионерка, белый верх, черный низ. Эмка Кутельман – самый молодой кандидат наук на кафедре теории упругости матмеха университета. Студенты называли его Эммануил Давидович, – это в лицо, а за глаза «Эммочка».

Скорей всего, Эммануилу Давидовичу суждено до старости быть Эммочкой, такой он милый и трогательный, – это если смотреть на него добрым взглядом. А если посмотреть на него недобрым взглядом, Эммануил Давидович похож на тойтерьера, – маленький, худенький, со спины можно принять за не слишком хорошо физически развитого подростка, – находка для антисемита.

– Профессор, разрешите ваш плащик, – Илья склонился к Кутельману, нарочито угодливо, как швейцар. – Обед уже готов...

Илья улыбался, но ирония не имела отношения ни к чему конкретному, ни к гостям, ни к обеду. Илья всегда одинаков, – всегда ироничный киногоерой и всегда немного не здесь, как будто его подрезали в полете, окольцевали, и в любое мгновение он готов вскочить и улететь. Куда улететь?... Туда, где интересней.

Илья и Эмка были в некоторой степени коллеги, Илья выпускник Политеха, Эмка окончил матмех университета. Илья, инженер в ЦКТИ им. Ползунова, называл Кутельмана, занимающегося теорией упругости, одним из самых сложных разделов математической физики, «профессор», как двоечник говорит «отличник фигов», «зубрилка очкастая», – здесь и насмешливо-презрительная интонация, и подспудное растерянное уважение к тому, что не дано самому. Сам он никогда не будет ученым, никогда.

Но – ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан, и Илья кандидатом станет обязательно – поступит в аспирантуру и через три года защитит диссертацию. Эмка говорит – в НИИ проще защититься, потому что экспериментальную часть можно делать вечером прямо на рабочем месте. Эмка – понимает. Эмка после защиты диплома остался на кафедре, уже защитился, преподает. Он из научной среды, из математической семьи, его отец – знаменитый профессор Кутельман, создавший научную школу, автор учебника по высшей математике, по которому учились несколько поколений математиков.

Иногда Илья обращался к Эмке «профессор, сын профессора». Себя Илья называл «инженер, сын инженера», а Фиру – «Фира, дочь башмачницы», потому что ее мать работала на фабрике «Красный треугольник», стояла на конвейере, вкладывала стельки в галоши.

«Фира, дочь башмачницы» звучит как «Тристрам, сын Сигурда», «Олав, сын Ингвара», название северного эпоса или саги. Фира обижалась, не хотела быть героиней северного эпоса. Тогда «Фира, дочь галошницы», веселился Илья. Фира обижалась всерьез. Илья сердился, что у нее примитивное чувство юмора, Фира сердилась, что ему не все в ней нравится, Илья сердился, что она такая обидчивая, – и все это было лишь поводом для сладкого примирения, как и все другие обиды, ссоры, как вообще все остальное было лишь поводом к их любви.

Из них как будто сочилась страсть, нетерпеливое ожидание ночи, и Фира, такая властная, строгая, такая «учительница», вдруг посреди общего разговора плыла глазами, глядела на Илью млеющим взглядом или вдруг не к месту говорила «Илю-ушка» таким тоном, будто между ними прямо сейчас, на глазах у всех, творится любовь. Кутельман невольно, ненамеренно, как экспериментатор, ВСЕГДА наблюдающий за своей установкой, регистрировал эти приступы влечения, эти внезапные токи. В такие мгновения ему бывало неловко... да что там неловко, это была целая гамма чувств – стыд, как будто он присутствует при чужой любви, и восхищение ими, такими красивыми, сильными, такими телесными, и даже – это было неча-

сто, совсем редко, всего два или три раза, – случалась робкая убегающая попытка представить, КАК ЭТО – быть на месте Ильи... Но ведь он НЕ МОГ оказаться на месте Ильи. Он не мог оказаться на месте Ильи, ему не нужна была такая жена, как Фира, слишком сильная, слишком телесная...

У Кутельмана вообще было сложное отношение к чувственной любви, и до некоторой поры он был уверен, что он на свете один такой – странный, пока не прочитал случайно одного полуразрешенного-полузапрещенного писателя, который с тех пор стал ЕГО ПИСАТЕЛЬ.

Кутельман был равнодушен к литературе, – читал то, что Фаина подсовывала, недавно прочитал в «Новом мире» Грекову об ученых-оборонщиках, – не понравилось, перед этим «Мастера и Маргариту» Булгакова в журнале «Москва», Фаина долго на него в очереди стояла, – не понравилось, какая-то надуманность, и ничто его по-настоящему не трогало. Фаина очень любила вопросы типа «Назовите десять книг, которые вы возьмете с собой на необитаемый остров», – он не назвал бы ни одной, кроме, пожалуй, «Высшей арифметики» Дэвенпорта, – сто семьдесят шесть страниц наслаждения. Он был согласен с мнением Гаусса: высшая арифметика имеет неотразимое очарование, превосходит другие области математики, и трудности в доказательстве теорем высшей арифметики делают ее любимой наукой величайших математиков.

ЕГО ПИСАТЕЛЬ занимал особое место в его душе, – не на книжной полке на необитаемом острове, а именно в душе, и Кутельман мысленно хитровато улыбался – здесь не обошлось без мистической связи, иначе как мог другой человек так математически точно выразить именно его ощущения?... Он читал своего писателя нечасто, но когда читал, содрогался от узнавания, – это было вроде бы не про него, но совершенно про него. Это не был изысканный стиль или любопытные мысли, мысли были простые, проще не бывает, но от ЕГО ПИСАТЕЛЯ бывало физически больно, и он читал его, когда чувствовал «затупление», – так он определял для себя странное, не то тоскливое, не то сердитое состояние, когда вдруг переставал радоваться жизни... Кутельман думал: счастливый, радостный, физически полноценно живущий Илюшка, чувствует ли он иногда «затупление»? Если да, то, наверное, избавляется от него с помощью физической любви...

Кутельман долго не решался прикоснуться к Фаине, совсем как ЕГО ПИСАТЕЛЬ, который в ожидании первого любовного опыта был занят «чем-то трудным, грустным и счастливым, томительной неопределенностью сердца». Кутельман ждал, что первая его с Фаиной физическая любовь, вообще для него первая, будет такой, как его писатель описывал первое сношение с женщиной: «...он все время внимательно слушал высокую точную работу сердца. Но вот сердце сдало, замедлилось, хлопнуло и открылось, но – уже пустое. Оно слишком широко открывалось и нечаянно выпустило свою единственную птицу. Сторож-наблюдатель посмотрел вслед улетающей птице, уносящей свое до неясности легкое тело на раскинутых опечаленных крыльях. И сторож заплакал – он плачет один раз в жизни человека, один раз он теряет свое спокойствие для сожаления». Его писатель от первого опыта «ожидал лишь пустяков, но женщина оказалась устроена неожиданно, и он удивился свободе своего наслаждения...»

«А у меня ничего подобного не было», – написал Кутельман на клочке бумаги после того, как они с Фаиной стали близки, скомкал листок и выбросил.

А у него ничего подобного не было, – он ожидал лишь пустяков, и это оказалось пустяки.

Фаина – лучшая жена на свете, близкая, правильная, именно такая, которая ему подходит. Что же касается физических отношений, у них с Фаиной все было как у всех, как положено. У его писателя это очень точно названо – «бедное, но необходимое наслаждение».

– Эмка, а у меня для тебя сюрприз! – азартно, с горящими глазами, сказал Илья, обняв Леву, – это была не ласка, а просто он его придерживал, чтобы тот не убежал. – Неземной, ну-ка скажи, сколько будет девять умножить на два и прибавить восемь?

Лева – хорошенький, пухлый, кукольный, щечки-ресницы-кудри, каким же еще он мог быть у таких красивых, таких ярких родителей?.. Младенцем Лева привлекал внимание везде – на улице, в магазине, в поликлинике. Нависая над Левой, люди охали, ахали, причмокивали, возводили глаза к небу, восхищенно говорили – «ребенок неземной красоты». Так Лева получил шутовское домашнее прозвище Неземной, но из часто употребляемого слова быстро исчезает шутовской смысл, и вскоре между Резниками и Кутельманами уже совершенно обыденно звучало: «Неземному нужно новое пальто» или «у Неземного паршивые гланды».

Горло у Левы было вечно больное, одна ангина за другой, Фира с Фаиной все не могли решиться удалить гланды – Неземной такой впечатлительный, как он перенесет операцию, боль, кровь? Фира водила Леву к знаменитому гомеопату Тайцу на улицу Желябова, Фира с Фаиной по очереди ходили с ним на ингаляции в детскую поликлинику на Фонтанке. Левины гланды были постоянной темой за столом, «гланды» было слово, которое от многочисленных повторений не потеряло свой драматический смысл. А Таня была крепкая девочка, и гланды у нее были отличные, ангиной она ни разу не болела.

– Умножение? Не смейся. Это у меня для тебя сюрприз, – усмехнулся Кутельман и хитренько попросил: – Неземной, извлеки квадратный корень из шестнадцати.

– Двадцать шесть, папа, четыре, дядя Эмка, – ответил Лева – щечки-ресницы-кудри.

– Из двадцати пяти, – скомандовал Кутельман.

– Пять, – безмятежно сказал Лева.

– Ой, ребята... Ой, ой!.. У меня сейчас бульон перекипит! – панически весело закричала Фира, бросилась на кухню. Фаина пожала плечами и нехотя двинулась в сторону кухни, – подумаешь, бульон, подумаешь, перекипит.

Фира очень рьяно относилась к приему гостей. Она ко всему относилась рьяно, со страстью, и к бульону, и к семье, и к работе – от нее прямо искры летели. И все у нее должно быть по первому разряду, и бульон, и семья, и работа. И обязательно должна быть перспектива, чтобы знать, для чего жить, сверять каждодневные достижения с жизненным планом, знать, по правильному ли пути движешься. У Фиры есть перспектива, есть уверенность в будущем, – в ее страстном жизненном плане было самой стать завучем, а Илье защитить диссертацию.

Фира большая спорщица и всегда права. Нельзя сказать, что она не прислушивалась к чужому мнению, она очень любила чужое мнение – как повод доказать свою правоту, побороться ЗА СВОЕ, и, победив, завершала спор взглядом «что и требовалось доказать», как будто доказывала у доски теорему, – победоносно повторяла: «Ну что, я права?» и лучилась счастьем.

«Права-права», хотелось ответить. Раз попав в ее орбиту, человек с меньшим, чем у Фиры, запасом жизненных сил, ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК, чувствовал от нее почти наркотическую зависимость. Красота – да, конечно, Фира была красива необычной для ленинградской еврейки смуглой теплой южной красотой, но дело было не в красоте. Такое сильное и прекрасное было в ее глазах, улыбке, ей так весело жить, радость так бурно булькала в ней пузырьками, что трава рядом с ней казалась зеленее, солнце солнечней, дождь дождливей. И властность ее как будто обещала: слушайся меня, и будет тебе счастье, в бесцветной твоей жизни вспыхнут яркие краски, и будет тебе весело и энергично.

Ну, а Фаина спокойно относилась к бульону, ко всему. С Фаиной было ОБЫЧНО, но немного напряженно, как будто тебя строго спрашивают: «Ты правильно живешь? Ты достигнешь?»

В сущности, обе подруги хотели ДОСТИЧЬ, но в Фириной системе жизненных ценностей все смешалось, ничто не занимало первого места, – первое место было у ВСЕГО, Фира на каждом сантиметре жизни хотела быть лучшей. Фаино же достижение было другого толка.

Ее система жизненных ценностей была строго выстроена. На первом месте была не семья и не работа, на первом месте была идея. Идея такая: она не какая-то «жена», не «мамаша», она отдельный человек. Культурный человек, хороший профессионал.

Фаина работала в почтовом ящике, НИИ без названия и адреса, с единственной координатой в пространстве «Почтовый ящик № 211», была руководителем группы, заканчивала диссертацию, тема диссертации имела отношение к оборонной промышленности и была засекречена так же строго, как адрес НИИ. После защиты у Фаины было ВСЕ ВПЕРЕДИ – она сможет стать руководителем отдела.

На первом месте идея, затем, в строгом соответствии с идеей, – работа, затем культурная жизнь, – Фаина очень боялась пропустить что-то, оказаться не в курсе, не посмотреть, не прочитать, и это было не напоказ, не на публику, а именно для себя. Затем семья в целом, как организм, в семье на первом месте муж, после мужа дочь, Таня. Вслух об этой иерархии никогда не говорилось, Таня «места» не пересчитывала, вдруг горестно обнаружив себя на последнем месте, но у нее, как у всякого ребенка, были свои важные слова, и среди ее важных слов было «мамина работа». К трем годам она прекрасно знала словосочетание «почтовый ящик», знала даже, что это «секрет», секретное предприятие, но как человек с хорошим воображением представляла: мама уходит из дома, залезает в синий почтовый ящик на углу Рубинштейна и Невского – протискивается в щель и там, внутри, в тесном темном ящике, РАБОТАЕТ. А что же еще могут означать слова «работает в почтовом ящике»?

Трехлетний Лева – пухлый красавец, трехлетняя Таня – худенькая и длинненькая, как червячок, отчего-то у миниатюрных родителей получилась высокая девочка, выше Левы.

Таня – откровенно некрасивая девочка, Буратинка с длинноватым носом своего деда-профессора. К тому же какая-то неприбранная, причесанная и одетая без любования – шерстяная кофточка на застиранном ситцевом платье, колготки гармошкой у колен, чахлые волосенки повязаны красным капроновым бантом, совершенно не подходящим к цвету ее волос, – к светлым волосам лучше бы синий бант. В общем, сразу видно, что мать этого ребенка – мыслящий человек.

Фира достала из комода свой старый синий бант, перевязала, распушила бант, пальцем подвила висящую прядку, подтянула на Тане спадающие до коленок колготки. Приподняла Таню за колготки, поцеловала, покачала в воздухе, полюбовалась, – стало не окончательно хорошо, но лучше.

Дневник Тани, 2011 год

11 сентября

Знаете, почему я люблю сериалы на 12 серий больше, чем на 8? А сериалы на 24 серии люблю больше, чем на 12?

Чем дольше мы снимаем, тем больше сюжетных возможностей.

Знаете, что мне нравится в профессии?

В сериалах осуществляется высшая справедливость.

У одного персонажа не может быть все время хорошо, а у другого все время плохо.

Это обнадеживает, правда?

Развитие сюжета требует, чтобы у каждого персонажа хорошее чередовалось с плохим, кто сегодня в шоколаде, у того завтра кошмар, и наоборот. У одной героини моих любимых «Отчаянных домохозяек» новый роскошный любовник, а у другой нашли рак, – я очень за нее переживала, хоть и понимала, что сценаристы не позволят умереть матери четверых детей, – в конце сезона она выздоровела, – ура, – а вот новый роскошный любовник оказался убийцей.

Я люблю американские сериалы за то, что в них высшая справедливость осуществляется БЫСТРО – обычно не нужно ждать даже конца сезона, чтобы за преступлением последовало наказание. Деньги, отправленные в оффшор, уносит ураган, измена жене карается попаданием в аварию... Неминуемость и неотсроченность наказания очень утешает.

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВООБЩЕ ЕСТЬ ТОЛЬКО В СЕРИАЛАХ.

Теперь, когда у меня уже 10 поставленных работ, я автоматически веду сюжет по закону один к трем для каждого персонажа: на одно хорошее событие два плохих и одно очень драматичное.

Но при этом сама легко поддаюсь внушению – с каждым все может случиться, и ничего, они справляются, и ты справишься, и у тебя плохой период сменится хорошим.

Если я, профессионал, так простодушно и упоенно утешаюсь любимым сериалом, как же это действует на неискушенного зрителя?

Как психотерапия, вот как.

Мне нравится, что я помогаю людям как врач, не так радикально, как хирург, – раз и отхватил аппендикс, а как психотерапевт: он чего-то там посмотрел пациенту в глаза, и тому стало легче.

Сериалы помогают пациентам, то есть людям, быть не совсем уж невыносимо одинокими.

Хороший сериал – как дом, где зрителя ждут родные люди, причем это не муж-мама-дети, которые все время чего-то от тебя хотят, а, скажем, двоюродные родственники, ты принимаешь участие в их жизни, но факультативно.

Думаете, я наивно рассуждаю?

Ничего подобного, научные исследования официально подтверждают, что я права: сериалы – это спасение человечества. Сериал «Жители Ист-Энда» показывают в Англии двадцать пять лет. Если умножить количество одиноких людей на количество одиноких вечеров за двадцать пять лет, получится...

Даже если умножить 8 серий моего последнего сериала «Понедельник во вторник» на 8 одиноких вечеров, получится, что я принесла человечеству некоторую пользу.

Знаете, что еще мне нравится в профессии?..

... А знаете, к кому я все время обращаюсь в собственном дневнике? Кому все эти «знаете», «представьте себе», «понимаете»? Никому.

Это потому, что у меня профессиональная болезнь сценариста – комплекс неполноценности. Мне все время нужна обратная связь – хорошо ли я написала, правильно ли, понятно ли, соответствует ли формату канала, вкусу продюсера и редактора.

Все мои коллеги очень любят фразу «сценаристу платят за унижение», но не все знают, кто это сказал, думают, это так, слова народные. А это сказал Шкловский в 60-х годах. Что-то вроде: «Почему так много платят за сценарий? Сама по себе рукопись стоит 15, ну от силы 20 тысяч. Остальное – за унижение». Все мои коллеги любят фразу «сценаристу платят за унижение», потому что с 60-х ничего не изменилось.

Сценариста все время оценивают. Оценивает публика, – это нормально, это как будто каждый может тебя пнуть. Недавно соседка сказала мне: «Танька, какое дерьмо показывают по телику, например, сериал... этот, как его, про трех подруг». А прочитать титры сериала «этого, как его, про трех подруг» ей лень?!

Сценариста все время переписывают, сокращают, режут. Сначала продюсер, потом редакторы.

Продюсер говорит: «Хм... что-то ты тут не очень...» Или: «...Здесь не так, здесь не то... Что-то я тебя не узнаю». И, наконец-то: «А вот это ты отлично придумала, но пусть этот персонаж будет не мужчиной, а женщиной». И тут вмешивается редактор: «Конечно, мужчина нам здесь не нужен... но женщина нам здесь тоже не нужна... Придумай что-нибудь другое».

Редакторы просто должны исправлять ляпы, а не иметь свое мнение!

РЕДАКТОРЫ НА СТУДИИ ДОЛЖНЫ ИСПРАВЛЯТЬ ЛЯПЫ, А НЕ ИМЕТЬ СВОЕ МНЕНИЕ!

Иногда редакторы работают на канал. Тогда они как будто проводники воли божьей на земле. Они важничают, думают, что точно знают, что нравится каналу.

Мне один раз редактор сказала: «Почему у вашей героини любовник, зрители возмутятся – что это вы такие безнравственные!»... «Вы такие безнравственные» – это я.

Раз так – раз уж они такие нравственные, пусть повесят в своих кабинетах табличку

РЕДАКТОРЫ КАНАЛА НЕ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ЛЮБОВНИКОВ!

Приходится отстраняться от того, что сочиняешь, соглашаться, исправлять, – это трудно. Представьте себе, что вы варите грибной суп, а вам говорят: «Да вроде бы нормально, только вытащи все грибы. И картошку. И перловку. А уж о луке и речи быть не может». Хорошо, вы все вытащите, – вам же велели. Так что останется?.. И вам же потом скажут: «Что это у тебя суп такой невкусный, одна морковка, фу-у!»

Я привыкла, что меня все время переписывают, сокращают, режут, проверяют на соответствие формату. Поэтому и в дневнике – и в жизни, в отношениях с людьми – мне всегда нужна обратная связь. Я все время хочу спросить – ну, как вам? Как будто каждый может мне сказать: «Таня, это хорошо, а вот это – перепиши». Как будто ВСЕ могут меня отредактировать, переписать, сократить, проверить на соответствие формату.

Что еще мне нравится в профессии?

Деньги.

Мне нравится получать за это деньги.

Я могла бы получать деньги за то, что проверяю контрольные по математике, или за то, что запломбировала зуб, или за то, что работаю мэром Санкт-Петербурга, а я получаю деньги за то, что придумываю, **ЧТО БУДЕТ В СЛЕДУЮЩЕЙ СЕРИИ.**

Если подумать, то я счастливый человек, и надо быстро начинать писать следующую серию, пока меня не выгнали из сценаристов и не заставили лечить кариес или работать мэром города на Неве.

Знаете, почему я сегодня пишу как восторженный новичок, – «что мне нравится в профессии»? Потому что мне работать неохота. Я уже придумала следующую серию, а теперь надо писать. Придумывать интересно, а писать лениво – это все знают.

Я уже придумала следующую серию, но можно еще подумать и повернуть сюжет по-другому.

Иногда лучше всего самое очевидное развитие сюжета – людям приятно угадать.

Иногда наоборот – придумываю самое неочевидное развитие сюжета.

Иногда мне приснится, что будет дальше. Обычно это что-нибудь драматичное и дорогостоящее, к примеру, крушение поезда, во время которого одни персонажи спасают других, некоторые персонажи испытывают катарсис и круто меняют свою жизнь, а ненужные персонажи погибают или исчезают. Тогда мне говорят: «Это ты здорово придумала – крушение поезда, но у нас на это нет денег»... Конечно, всегда можно это обойти – входит персонаж с опрокинутым лицом и говорит: «Произошло крушение поезда».

Иногда – часто – я думаю: вот бы мне только придумывать, а писал бы кто-нибудь другой, литературный негр. Я буду получать деньги и делиться с негром. Сколько ему, если почестному, процентов 50? Или ему 30, а мне 70, и я тогда еще буду править его текст.

На самом деле все это была нервная болтовня, – завтра по первому каналу начинается «Понедельник во вторник». Вы думаете, что если у человека 10 поставленных работ, то во время премьеры 11-й он включает телевизор и вполглаза посматривает первую серию, то и дело отвлекаясь на выпить чаю?

А может быть, вы понимаете, что если у человека 10 поставленных работ, то в день премьеры 11-й его тошнит? От ужаса – вдруг плохо? Одно могу сказать – чем больше поставленных работ, тем сильнее тошнит.

24 сентября

«Понедельник во вторник», первая, вторая, третья серии рейтинг был высокий, на четвертой серии рейтинг упал до нуля, потому что по каналу «Россия» в это время был эфир с Пугачевой, потом рейтинг поднялся, на седьмой серии немного упал... И, наконец, сериал финишировал с не ошеломительными, но приличными результатами.

Что мне не нравится в профессии.

Что я каждый раз говорю «твою мать, твою мать, твою мать!», прежде чем начать смотреть новую серию. Мама говорит: «Таня, я слышала, ты опять говорила плохие слова...»

А как же мне не говорить плохие слова?! Я должна себя подбодрить.

Что еще мне не нравится в профессии.

Что каждый новый сериал развивает во мне сразу два комплекса – комплекс неполноценности № 1 и комплекс неполноценности № 2.

№ 1 – каждый день интересуюсь рейтингом сериала у знакомых на канале.

№ 2 – небрежно завожу разговор о новом сериале. Понимаю, что это глупо, но болезненно хочу узнать, как оценивают сериал.

Люди делятся на две группы:

– те, кого манит мир масс-медиа.

Фанаты масс-медиа с придыханием говорят «это ваш сериал?!?!». Эти люди жаждут поделиться со мной своими идеями, говорят – «этот-то сериал ерунда, а вот я вам такое расскажу, это просто готовый сценарий». Обычно это совершеннейшая чепуха, вроде того, что случилось с ними в поезде, в поликлинике. Но приходится кивать, – да-да, очень интересно, обязательно использую в самое ближайшее время... – и те, у кого мир масс-медиа вызывает презрение.

Я встретила в «Шоколаднице» на Невском Ленку Певцову.

– Я знаю, что ты пишешь сценарии мыльных опер... сериалов... – «Сериалы» она произнесла, как люди произносят «жаба».

А я знаю, что она профессор.

Она была старостой группы. Если один человек был старостой группы, а другой человек двоичником, то ОДИН наверняка станет профессором, а ДРУГОЙ сценаристом мыла? Или есть варианты?

Я сказала: «Сейчас идет мой новый сериал...», а она так равнодушно: «Да?..», как будто сериал – это чепуха. Сказала, что телевизор не включает никогда, но случайно посмотрела первую серию «Понедельника во вторник». Считает, что хлопотливая еврейская мамочка в первой серии – ЭТО УЖ СЛИШКОМ.

Слишком?.. Да, этот нелепый монолог Аниной мамы характеризует ее как человека глуповатого, бестактного и отчасти даже жестокого. Но это мой любимый прием – показать в смешном монологе настоящие чувства! На самом деле эту бедную мамочку переполняют горечь, жалость, ужас за дочь, которая может навсегда остаться одинокой, поэтому она и говорит эти едкие слова: «Может быть, я не в курсе дела и ты замужем?!»

Ведь никто не приводит НАШИ слова, никто не знает, что профессор Певцова и я говорим своим детям, – черт знает что мы можем наговорить своим детям! И чем нам больней, тем больней мы их раним. Иногда мы раним специально, это означает, что наша боль уже переливается через край и мы сию минуту в ней потонем.

На самом деле Анина мама умная, тактичная, доброжелательная, – не меньше, чем профессор Ленка! Ленка просто выключила телевизор, а в следующем эпизоде Анина мама признала, что вела себя как персонаж Островского, как классическая вздорная суетливая мамаша, мечтающая любой ценой пристроить неудачную дочь, даже заставив ее отплясывать канкан в чулках с подвязками. Она ничего не говорит, только улыбается беспомощно, признавая – не права, погорячилась, наговорила глупостей.

Но я не успела объяснить, потому что Ленка продолжила меня критиковать.

– Ты заигрываешь с публикой, используя еврейский колорит. Почему в ее речи проскальзывает характерная интонация, как будто она не в Петербурге живет, а вчера приехала из Винницы?

Почему?... Ну, во-первых, стареющие люди неосознанно приближаются к своим корням. Может быть, у нее в детстве гостили какие-нибудь КОРНИ – родственники из Винницы, и вот сейчас вдруг вынырнуло, вспомнилось? От волнения за Анечку... Ну, и потому что продюсер требует, чтобы был еврейский колорит, это модно.

Но я не успела окончательно оправдаться, потому что Ленке было пора уходить. На прощание она приветливо сказала, что будет и дальше следить за моими работами.

Ну... приятно, когда так внимательно следят за твоими работами.

Бедная моя самооценка...

Что еще мне не нравится в профессии.

Что я сценарист не в Америке, а у нас.

Часто говорят:

– А вы правда пишете сериалы? Я сериалы обожаю, особенно не наши.

– Мне тоже больше нравятся не мои сериалы, – подтверждаю я, и это правда. У сценариста сериала столько ограничений... У нас всего три канала, и на каждом канале свои «нельзя».

На каждом канале свои «нельзя»!

На одном канале очень оберегают нравственность населения. Нельзя, чтобы женщина изменила. Нельзя, чтобы женщина оставила ребенка. Нельзя трогать базовые страхи, например, похищение ребенка.

Кое-что суперинтересно! С психологической точки зрения. Женщина всегда очень нравственная, она не изменит, не бросит ребенка, работу, своего мужика-пьяницу и др. А вот мужчинам на этом канале все можно, чем хуже, тем лучше. Если, например, персонаж бросил жену, лучше, чтобы она была беременная, а он ее к тому же еще и обокрал. Чтобы ей сидеть у коровника в полной безнадежности и оттуда начать свой блистательный путь к вершинам российского бизнеса.

Нет, ну должен же быть у этого какой-то концептуальный смысл?! Наверное, это официальная идея Кремля: мужики в нашей стране говно, а бабоньки хорошие.

Другой канал не любит, чтобы были дети. Только чтобы они мелькали на заднем плане в виде кулечки из роддома. Или лучше просто упоминание – мол, у персонажей дети есть. Это «нельзя» мне вообще не понятно, но такое требование – никаких детей. Ни за что нельзя про деньги, про зарплату. Как будто зрители удивятся, узнав, что люди используют деньги в обычной жизни.

Я наизусть помню, что нельзя: дети, деньги... и, кроме всего, что нельзя каналу, нельзя все остальное, – что лично не нравится продюсеру и редактору, что выражает ЛИЧНЫЕ базовые страхи продюсера и редактора. Тогда критерий – не нравится. Что не нравится? Не нравится.

Кроме этого, есть еще страх продюсера и редактора, что то, что им кажется подходящим, не понравится телевизионному начальству. Со студиями, которые снимают по заказу канала, работать трудно, – очень связаны руки, то есть мое воображение. Мне нужно помнить, что НЕЛЬЗЯ.

А на канале НТВ нельзя все, что не про Ментов. В каком-то смысле проще иметь дело с каналом НТВ.

Если бы у нас было как на Западе...

У них сериалы как настоящее хорошее кино, иногда лучше, чем кино (мой любимый Mad men, из года в год получающий «Эмми» в номинации «лучший драматический сериал»).

У них на кабельном канале НВО можно про секс, про все! А у нас нельзя даже говорить «блин». Только на ТНТ можно, но у ТНТ молодежная аудитория, я для них слишком...

Слишком ЧТО? Слишком умная? Слишком взрослая, вот что. Не то чтобы я так мечтаю писать про секс и говорить «блин», но если иметь в виду правду жизни, то зрители всех каналов через слово говорят «блин».

У нас всего три канала, один из которых полностью подчинен вкусу генерального продюсера, другой про муж выгнал беременную, третий про Ментов, а кабельные каналы не могут снимать сериалы, потому что бедные, как мыши.

Сбудется ли моя мечта, – чтобы у нас было как на Западе? И чтобы написать и снять сериал, о котором я мечтаю?

Это не совсем драма и не окончательно комедия. Персонажи должны быть интеллигентные, – влюбляются, начинают бизнес, разводятся, теряют работу, испытывают кризис среднего возраста, трудности с пожилыми родителями, решают проблемы с детьми, у кого-то хулиган-первоклассник, а у кого-то хулиган-десятиклассник. Это сериал с позитивным настроением на решение проблем. Зрители должны думать: «С ними происходит то же, что со мной, еще хуже, чем со мной, но они справляются, и я смогу».

Нужно самой быть позитивным человеком и верить, что моя мечта когда-нибудь написать сценарий такого сериала сбудется при моей жизни.

Кстати, вы поняли, что я шучу?.. Или нужно выделить ПРИ МОЕЙ ЖИЗНИ?..

Обычный комедийный прием в американских сериалах – показать окружающую реальность, сделав ее чуть смешнее, чем она есть на самом деле.

Но реальность – это когда все происходит строго по правилам, поэтому любой, самый маленький отход от правил – смешно. Например, мамаша пытается дать учительнице взятку,

чтобы она поставила ее ребенку хорошую оценку, – это смешно. Или начальник грозит, что уволит подчиненного без юриста, – и это смешно. В их реальности, не в нашей.

Возможно, продюсеры не снимают такие сериалы, потому что знают – с нашей реальностью этот комедийный прием не пройдет. В нашей реальности нет никаких правил, ее нельзя взять за норму и вести от нее отсчет, сдвигаясь в сторону смешного.

Сейчас на каждом канале советское ретро. Советское ретро считает самую большую аудиторию – 35+. У пожилых людей ностальгия по советскому времени – это ностальгия по своей молодости, у остальных – по советскому детству.

А может быть, дело не в ностальгии? Может быть, советская жизнь кажется нам единственной настоящей реальностью?

– Профессор, давай по рюмке, пока Фирка не видит, – предложил Илья, и они быстро выпили, нарочито испуганно оглядываясь, – ух, пронесло...

Из года в год Кутельманы обедали у Резников... Звучит, как будто «Винни-Пух обедал у Кролика», – Кутельманы обедали у Резников два воскресенья в месяц, а два других воскресенья Резники обедали у Кутельманов. Эта традиция не была, кажется, нарушена ни разу, кроме воскресений, которые выпадали на отпуск, но и отпуск обе семьи проводили вместе, так что раздельно проведенных воскресений почти не случалось. Илья и Эмка искренне считали друг друга близкими друзьями, хотя на самом деле дружили женщины, а мужчины поддерживали компанию, стали как будто родственниками, родственниками по браку. Сами они никогда не выбрали бы друг друга для дружбы и даже просто общения, – самый привлекательный, самый главный мальчик в классе никогда не дружит с запоем читающим очкариком, и очкарик находит себе других друзей, близких по духу. Но родственников ведь не выбирают, какие попались, те и есть – родные.

– Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера... – зазвучало с экрана телевизора.

– О, смотри, Хиль, – оживился Илья, – а мы с ним только что вместе в очереди стояли, меня Фирка в наш магазин за лимонадом послала...

Знаменитый с Сопотского фестиваля в 65-м году Эдуард Хиль жил в Толстовском доме, во втором дворе. Илья гордился – не то чтобы Хиль каждое утро выходил во двор, вставал в свою знаменитую на весь Советский Союз позу, прижав руку к груди, и – «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда... Но все же – вот, Хиль.

В доме вообще жило много знаменитостей, и Илья с его обаянием и умением подружиться без навязчивости со всеми общался по-соседски, казалось, он вообще был знаком со всеми, чьи пути пролегали поблизости от Толстовского дома: в ларьке у Пяти углов пил пиво с Боярским – мировой мужик, здоровался с Алисой Фрейндлих, – она жила в соседнем с Толстовским доме и, как уверял Илья, очень восхищаласьлевой, прятельствовал с актерами Малого драматического. Кутельман никем не интересовался и никого не знал в лицо, а Фира с Фаиной стеснялись знаменитостям надоедать, здоровались и проходили мимо, хотя со многими соседствовали всю жизнь.

– Еще выпьем? Пока девчонки там щебечут... – заговорщицки улыбнулся Илья.

Илья не любитель спиртного, он любитель жизни, любитель дружбы – любит компании, разговор под водку, а выпивка для него всего лишь необходимая часть общения, но Фира блюдет его очень строго – за обедом не больше трех рюмок. Илье было многое нельзя: выпить четвертую рюмку, рассказать анекдот с грубым словом, слишком громко смеяться, – всего и не перечислить. Фира запрещала, одергивала, выговаривала, и со стороны могло показаться, что она «слишком раскомандовалась», но на самом деле все Фирино ворчание было не ворчание, а любовь. Запрещать, одергивать, выговаривать, сверлить Илью требовательным взглядом было для Фире возможностью выразить на людях свою с ним интимность, – она ворчит по

праву собственности, красавец Илья принадлежит ей. У Фиры с Ильей все гармонично: Фире нравится говорить «нельзя», «я не разрешаю», нравится, что у нее все под контролем, а Илье нравится быть под контролем. Это их с Фирой любовная игра. А выпить вдвоем с Эмкой тайком от Фиры – это их общая игра, Ильи и Кутельмана.

В этой компании вообще было много игры, смеха, подначивания, мгновенных розыгрышей. Изумление Ильи у входной двери – игра, чуть нарочитое Фирино хозяйственное рвение и Фаино подчеркнутое равнодушие к бульону – игра, и «профессор» был не профессор, – все было игрой. И, как бывает в хороших дружеских компаниях, у каждого было свое амплуа: один балагур, другой умница, одна главная, другая отстраненная. Все было игрой, правдой было только то, что Кутельманы действительно были то ли гости, то ли нет.

* * *

Для обеих «девчонок», Фиры и Фаины, эта коммуналка была родной. Фира жила с мамой, и Фаина жила с мамой – в крошечной, как пенал, комнате за кухней.

Девочки учились в школе на Фонтанке, все десять лет просидели за одной партой. Фира была по гороскопу Лев, и характер у нее был львиный, – преданная, страстная, властолюбивая девочка, она главенствовала, требовала, давила, не разрешала Фаине ни с кем, кроме нее, дружить. Фирина любовь к Фаине была такая же, как позже к Илье, – обнимать крепко, душить в объятиях. Фаина подчинялась, ни с кем, кроме Фиры, не дружила. Она не была зависимой, слабой, в учебе была упорней Фиры, просто ее огонь горел не так ярко.

Фаина окончила школу с золотой медалью, Фира с серебряной – в школе любили обеих, но решили, что две золотые медали девочкам-еврейкам будет СЛИШКОМ, и поставили Фире на экзамене по французскому четверку. В институты девочки поступили разные. Фаина пыталась поступить на матмех, но на матмех не взяли, взяли на физфак. На самом деле с физфаком у Фаины получилось странно: на физфак евреев не брали еще в большей степени, чем на матмех, но то ли физика была Фаина судьба, то ли судьба как-то сгримасничала, – ее взяли. А Фира сразу же пошла разумно – в педагогический, на учителя математики, туда евреев брали.

На физфаке мальчиков было много, но у Фаины не случилось ни одного романа, ни одно-го, за все годы учебы никто не проявил к ней мужского внимания, не дотронулся до нее украдкой, не прилип к ней взглядом, как будто она не в университет ходила, а в детский сад. В педагогическом мальчиков было мало, но все они были – Фирины. Фира входила в комнату – громкий смех, глаза как звезды, – и как будто свет зажегся.

У Фиры был УСПЕХ, и ей, конечно, полагалась судьба получше. Но что такое судьба получше? Чтобы муж был из хорошей семьи? Или с жилплощадью? Лучший муж – Об этом тогда не думали. Выйти замуж ПЕРВОЙ – это да, это Фире было положено, так и случилось.

Фира первая вышла замуж – за мальчика из Политеха, познакомилась, когда пришла на вечер, посвященный 7 ноября. Мальчик был не обычный, не так себе мальчик, а самый что ни на есть первый приз – высокий, красивый, остроумный, загадочный, – девочки от него умирали. Один белый танец, вальс, – полный оборот в два такта с тремя шагами в каждом, и Фира Илью схватила и понесла, как добычу.

Перед тем как выйти замуж, Фире еще нужно было свою добычу СПАСТИ – отучить Илью от карт и гулянок, вернуть на правильную дорогу, чтобы он институт окончил. Илья любил выпить-погулять – не для того, чтобы напиться, а чтобы погулять, и вечно с ним что-то приключалось. То он на свидание не пришел, потому что его в милицию забрали, то все деньги на пляже в Солнечном проиграл и пешком по шпалам шел, то ночами в карты играл и сессию завалил. А однажды пришел крадучись, оглядываясь, с трагическим лицом – попроситься навсегда, потому что за ним следят, и сейчас его прямо от Фириных поцелуев в армию заберут. То одно, то другое с ним приключалось, и он появлялся со значительным и виноватым

тым лицом, – спаси меня, если хочешь, а Фира укоризненно и строго смотрела – «спасу, не сомневайся». В их паре сразу же распределилось так: он балуется, она СМОТРИТ.

Илья к Фириной коммуналке относился насмешливо – фу-у, коммуналка... Он жил в отдельной квартире. В двухкомнатной хрущевке – с родителями, двумя бабушками и одним дедушкой. Молодым там было место разве что в ящике буфета, и Фира привела мужа к себе в коммуналку. Хрущевская двухкомнатная квартира – две комнаты, кухня, совмещенный санузел – была меньше, чем их с мамой комната сорок два метра.

Комнату разгородили шкафом и стали жить. Шкаф поставили задней стенкой в сторону Марии Моисеевны, дверцами в сторону молодоженов, чтобы Илье не бегать за трусами-носками, а сразу появляться из-за шкафа одетым. Все остальное осталось прежним, только в Фириной части прибавилась двупальная кровать.

Фаина была свидетельницей на свадьбе.

Фира жила с мужем, и Фаина при них.

Вечерами пили чай, смеялись, – Илья рассказывал анекдоты, строил шуточные планы на будущее, в которых Фаина выступала как пожизненная нянюшка его детей, потом Фира с Ильей уходили за шкаф, а Фаина шла на кухню с Марией Моисеевной. Сидели долго-долго, пока от Фиры не поступал условный знак. Она выглядывала из коридора и, притворно зевая, говорила: «Ну что вы так долго сидите, неужели вам спать не хочется...» Тогда Фаина уходила к себе в комнатку за кухней, и Мария Моисеевна шла ложиться спать. Фира была особенно счастлива от того, что Фаина рядом, она хотела бы жить так всегда – иметь в распоряжении сразу троих любящих и подвластных ей людей: мужа, Фаину и маму.

Марии Моисеевне ее зять нравился. «Мой зять из хорошей еврейской семьи», – гордилась Мария Моисеевна. Фире и Фаине было стыдно, что она говорит «еврейская семья». Что в девочках было еврейского? Кроме имен (Фиру называли в честь умершей бабушки, и Фаину называли в честь умершей бабушки и дома называли Фенька), кроме Фириных родственников, изредка наезжающих из Винницы? А у Фаины даже родственников не было... Ах да, еще обе мамы, и Фирина, и Фаина, делали форшмак и девочек научили – традиции домашней кулинарии, приверженность к привычной с детства еде держатся дольше всего.

Что еще?.. От Фириных родственников девочки знали несколько смешных выражений на идиш, например, «кусн май тохес», – говорилось в шутку, означало «поцелуй меня в зад», в смысле «на-ка, выкуси». Или «бекицер» – быстрее, еще «мишугинер» – сумасшедшая. Ни Фира, ни Фаина никогда этих слов не говорили, они вообще все еврейское в себе отметали – они не еврейки, они советские, ленинградские интеллигенты. Интеллигентки они обе были в первом поколении. Фирин отец, Левин дед, был часовщиком, до самой смерти сидел в будочке «Ремонт часов» у Кузнечного рынка, Фаинин отец – сапожник, и оба полуграмотные.

Обе девочки уже начали работать. У Фиры все шло по плану – она без труда распределилась в свою школу на Фонтанке, и классы ей дали хорошие, и даже обещали классное руководство. А у Фаины с распределением были сложности, ее долго не брали – не взяли ни в Институт физики имени Фока, ни в Институт радиофизики, и из Физтеха пришел отказ. Сначала ее не брали в лучшие институты, затем в хорошие, а потом уже просто НЕ БРАЛИ, – отказ за отказом. Может быть, потому что девочке не нужно было идти на физфак, а может быть, потому что еврейка. После многих обидных отказов Фаина была рада оказаться далеко не в самом престижном месте, в почтовом ящике... Все как-то неудачно складывалось, и работа не та, о которой мечтала, и никого у нее не было. Похоже, Фире было суждено быть счастливой, а Фаине – так себе, Фире суждено семейное счастье с красавцем Ильей, а Фаине – быть при Фириной семье.

И вдруг – прошло всего несколько месяцев с Фириной свадьбы, как сказала Мария Моисеевна, «прошло всего-то ничего» – и Фаина вышла замуж!.. Тихая Фаина вышла замуж не выходя из дома, за соседа из Толстовского дома, из подъезда напротив, сына профессора

Кутельмана, – перетекла, как ручеек через двор, в другую жизнь, взлетела по социальной лестнице, очутилась в огромной профессорской квартире.

Профессор Кутельман – автор учебника математики, по которому Фаина училась на физфаке, его ученики – кандидаты и доктора наук по всему Советскому Союзу. Илья шутил: «Профессор Кутельман – это советская аристократия, он граф, а Эмма – сын графа, виконт де Кутельман».

– Фенька, как это у вас так быстро? Это что, тайная страсть? – приставал Илья. Кутельманы переехали в Толстовский дом не так давно, Фира и Фаина с Эмкой не были даже толком знакомы, – какой-то маленький, шупленький, выбегает из подъезда с портфелем, здоровается и пробегает мимо. И вдруг – замуж!

– Фенька, ты что, по расчету? – не успокаивался Илья.

Фаина улыбалась. У Фиры характер, но и у Фаины характер.

– Конечно, Фаина его любит, она же выходит замуж, – строго ответила за нее Фира. – И, пожалуйста, не называй ее на свадьбе Фенька.

Фира была свидетельницей на свадьбе.

Девочки прежде никогда так близко не видели живых профессоров, – только на лекциях, и никогда не бывали в отдельных квартирах в Толстовском доме. Оказалось, что профессорская квартира в точности такая, как их коммуналка, – та же квадратная прихожая, длинный коридор с комнатами по обеим сторонам, только пустыми комнатами, а в их коммуналке в каждой комнате жила семья. В конце коридора большая кухня с чугунной плитой, холодная кладовка с окном – все, до метра, точно так же, как у них.

В их коммуналке жило шесть семей, 22 человека, а здесь двое – профессор Кутельман и его сын Эмма, теперь будут жить трое, те же и Фаина. В квартире обычная советская мебель, тонконогие кресла, сервант, рядом с ними бюро с львиными головами и диван с высокой резной спинкой выглядели как хлам, который поленились вынести на помойку. Везде книги. Разрозненная посуда. Фириной матери на свадьбе досталась кузнецовская тарелка с отбитым краем, Мария Моисеевна, покрутив тарелку в руках, разочарованно прошептала дочери: «Профессор у Феньки какой-то ненастоящий, настоящие-то профессора живут, как баре».

В определенном смысле Мария Моисеевна была права, профессор был «ненастоящий».

Профессор был ненастоящий, и привычке к барской жизни неоткуда было взяться. Осенью 18-го года Кутельман-старший пришел в Ленинград пешком из украинского города Проскурова – такой вот еврейский Ломоносов. Оказалось, что любовь к математике спасла Кутельмана от смерти, – в феврале 19-го года в Проскурове произошел страшнейший погром, петлюровская армия за четыре часа вырезала больше полутора тысяч евреев.

Кутельман учился в университете, на кафедре чистой математики на 10-й линии Васильевского острова, его особенно интересовала петербургская школа теории чисел, выучился, работал над теорией чисел, много печатался. В 30-м году в качестве активного члена Ленинградского физико-математического общества приехал на Первый Всесоюзный съезд математиков в Харьков. За двенадцать лет он впервые приехал в родные места, и поездка эта была странной – горькой до невозможности и до невозможности счастливой.

Кутельман пытался найти кого-нибудь, кто знал, как погибла его семья, – нашел и подумал – может быть, лучше было бы не искать?.. Одно дело знать, что родителей и сестер больше нет, а другое с мучительной точностью представить, как произошло, что их больше нет... Казаки ворвались в синагогу, разорвали свитки, убили молящихся мужчин, потом изнасиловали и убили женщин и... и девочек. Так погибли его родители и сестры. Кутельман тогда почувствовал себя предателем. Что он делал, когда казаки насиловали его сестер, изучал погрешности приближенных формул определения?.. На 10-й линии Васильевского шел мягкий снег, а девочки, его изнасилованные сестры, умирали... Все погибли, все... Все, кроме младшей сестры, самой любимой, нежной смешливой Идочки. Идочку не видели мертвой, –

может быть, не нашли, а может быть, ей удалось спастись, сбежать? Может быть, она сбежала, потерялась и просто не подавала о себе вестей?... В ту минуту, когда он расспрашивал о ней, Идочка могла быть где угодно – в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, а скорее всего, на небе...

Но было и счастье. На съезде случилось одно особенное знакомство – молодая женщина, занимающаяся теорией чисел, член Московского математического общества, ученица знаменитого математика, академика Николая Лузина. Прямо со съезда она уехала с ним в Ленинград, стала его женой, ввела его в круг московских математиков, учеников Лузина.

Несколько лет Кутельман был очень счастлив, не только любовью, но и научным общением. Вместе с другими учениками Лузина Кутельман и его жена называли свое общество Лузитания, как будто тайное общество из книг Жюль Верна или Стивенсона.

А в 36-м году Кутельман и его жена чуть не сели в тюрьму – он за теорию чисел, она за теорию множеств.

В «Правде» называли Лузина «врагом в советской маске». Его и нескольких учеников – Кутельман и его жена были названы в их числе – обвинили в том, что они публиковали статьи в западных научных изданиях, а от советской научной общественности результаты своих работы скрывали.

В прихожей Кутельмана уже стоял собранный чемоданчик с теплым бельем и куском мыла, но Кутельману, его жене и другим математикам повезло. Партийные вожди, которые помещивали страшное варево в стране, сообразили: с математиками не стоит возиться, арест математиков не такой сильный удар по сознанию масс, как процессы отравителей рек или врачей-убийц. Людям все же трудно представить, что теория множеств и теория чисел впрямую угрожают счастью рабочих и крестьян.

Математического процесса не было. Чемоданчик не пригодился, исчез из прихожей, но не из сознания Кутельмана, – он испугался, прекратил работать над теорией множеств. Жена его прекратила работу более естественным образом – в 37-м году родился Эмка, и рисковать оставить ребенка сиротой ради теории множеств было невысказано.

Кутельман ушел из науки в образование. Он создал кафедру в Институте Герцена – Педагогический институт имени Герцена был в научном смысле по сравнению с университетом институтом второго сорта, но Кутельман больше не занимался чистой математикой. Он написал несколько учебников, один из них стал классическим учебником по высшей математике, по которому учились поколения студентов, – но и это не помешало ему сесть в 48-м. Обвинение было настолько одиозным, что, вспоминая о нем, Кутельман всегда совершал ряд одинаковых движений: вздрагивал, недоуменно пожимал плечами, разводил руками, моргал, – обвинение было оскорбительно нелогичным, противоречащим себе даже в формулировке.

В 54-м Кутельман был освобожден, оправдан, но работу в вузе получить не смог. Пять лет он преподавал математику в школе в Гатчине, и только в 59-м году тогдашний ректор Ленинградского университета взял его к себе на матмех на место профессора. Через несколько лет ректор добился для него квартиры в Толстовском доме. К тому времени, как Мария Моисеевна назвала его «ненастоящим профессором», у него защитились 13 аспирантов.

«Ненастоящий профессор» Кутельман был идеалист – считал, что все в жизни должно быть получено своим трудом. Отказался избираться в членкоры Академии наук, объяснив это тем, что звание ничего не прибавит к его научным заслугам, а академическими привилегиями он пользоваться не желает. Вот если бы он своими руками построил домик, это было бы правильно, ну, а раз не может, нехорошо иметь академическую дачу в Комарово как приложение к званию. Возможно, его жена отнеслась бы к академическим привилегиям иначе, но она умерла вскоре после переезда в Толстовский дом, и он так никого и не приблизил к себе, жил вдвоем с сыном.

Эмка Кутельман, мальчик из математической семьи, рано показал способности к математике, пошел по стопам родителей, преподавал на матмехе, его диссертация была посвящена

решению динамических задач нелинейной теории упругости с привлечением теории двухточечных полей и метода конвективных координат.

Все это к тому, что Фаина попала в хорошую семью. Не в барственно-академическую, а в ту, где стиль жизни отвечал ее собственным убеждениям, где главным, пусть не произносимым вслух, словом было «труд». Труд – это смысл жизни, все в жизни своим трудом, каждому по труду.

Когда Фаина сказала, что выходит замуж за Эмку, Фира не смогла удержать лицо. Замуж – за него?! Но, боже мой, разве это мужчина?.. Настоящий мужчина – это Илья, он красивый и обаятельный, от него исходит мужская сила, уверенность в себе. Илья одним своим видом говорит – любимая, ты за мной, как за каменной стеной. А Эмка маленький, щупленький, некрасивый, с подвижным, как у обезьянки, лицом, – с ним Фаина ляжет в постель, он ее единственная любовь навсегда?!

* * *

Обед шел своим чередом.

– Фирка, какой у тебя сегодня потрясающий форшмак, произведение искусства, а не форшмак! – восторженно сказал Кутельман. – У Фаинки такой не получается.

– Форшмак как форшмак, у Фаины не хуже, – довольно улыбнулась Фира. – Я дам вам баночку с собой.

Фаина кивнула – спасибо. У Фаины дома был ее собственный форшмак, не хуже и не лучше Фирино, точно такой же.

Студентками Фира и Фаина питались на 30 копеек в день: Фира брала в институтской столовой половинку первого, гарнир – макароны или картошку, компот, Фаина брала в университетской столовой половинку первого, гарнир, компот. Котлета стоила 8 копеек, киевская котлета 12 копеек, – чем съесть котлету, лучше сходить в кино. В столовой Герценовского института и в университетской столовой на столах всегда были бесплатный хлеб, горчица, соль и перец, и можно было обойтись без супа и компота, съесть хлеб с горчицей и пойти в театр, – правильный вариант, компромисс полезного с прекрасным.

Бесплатный хлеб с горчицей был уже в прошлом, теперь у Фиры с Ильей две зарплаты, учительская и инженерская, ну, а у Фаины, живущей в профессорской семье, тем более не было нужды экономить на еде.

У подруг было совершенно одинаковое меню: салат оливье, форшмак, пирог с капустой, рыба в томате, паштет. На второе фаршированные перцы, ленивые голубцы – осенью, котлеты или тушеное мясо с картошкой – зимой, в апреле жареная корюшка, в июне молодая картошка с укропом и чесноком. Обязательно куриный бульон – дети его хорошо едят, Таня любит бульон с лапшой, Лева с рисом.

Фира вихрем приносилась домой, победительно раскладывала продукты, с напряженным лицом стояла у плиты – кормила семью со страстью. Фаина готовила застенчиво, словно извиняясь перед собой, что занимается таким неинтеллигентным делом, – в глубине души она считала, что ЕСТЬ не интеллигентно. Но готовила не хуже Фиры, если объективно, точно так же, – рецепты были мамыны, а мамы были с одной коммунальной кухни.

Все эти оливье, паштеты, котлеты, приготовленные Фирой и Фаиной из одинаковых продуктов по одинаковым рецептам, если и различались по вкусу, то не поддающимися определению нюансами. Но принято было считать: у Фиры потрясающе, великолепно, праздник, а у Фаины в точности то же самое – просто обед. Самолюбивую Фиру непременно нужно было не просто похвалить, а отметить, что у Фаины хуже, – иначе она напрягалась, становилась задиристой или надувалась, как ребенок. Ну, что же делать, – Эмка хвалил, Илья поддакивал,

Фаина кивала, и Фира лучилась счастьем. Они были интеллигентными людьми, все четверо, но у каждого свой характер, у Фиры, как говорила ее мать, «характер дай боже».

– А теперь внимание, – с видом дрессировщика тигров – ап! – сказал Кутельман за столом, когда уже съели закуски, похвалили Фиру, съели бульон, еще раз похвалили Фиру. – Внимание, корень из x плюс семь равен десяти. Чему равен x ?

Все четверо взрослых, волнуясь, смотрели на Леву. Фира затаила дыхание, принялась водить пальцем по столу: « $x=...$ ».

– Три... Нет, девять, – мгновенно поправился Лева. Фира и Фаина вопросительно посмотрели на мужей – они не смогли так быстро посчитать в уме.

Кутельман сделал горделивый жест в сторону Левы, что означало – правильно, и Фира с Фаиной облегченно выдохнули.

– Вот черт... Ты победил, – недовольно признал Илья. – Когда ты успел его научить?

– А вчера, – признался Кутельман, – забежал на минутку и научил.

Эмка Кутельман больше всего на свете любил «чтобы было интересно». Научить трехлетнего ребенка извлекать квадратные корни между салатом оливье и бульоном – интересно. У них с Ильей было соревнование: кто научит ребенка более сложному математическому действию. Кутельман уже научил Леву возводить в степень и теперь подбирался к решению простеньких квадратных уравнений – хотел устроить суперсюрприз за следующим обедом. Нужно только подумать, как объяснить, чтобы ребенок не автоматически пользовался формулой, а решал осмысленно.

Оказалось, что Лева – гений.

Началось с чтения. Никто не учил Леву читать – ребенку же всего три года. И вдруг Лева прочитал по слогам вывеску на будочке «Ремонт часов» в Кузнечном переулке, той самой, где когда-то сидел его дед, – прочитал «Ремонт часов» и в тот же день перешел к настоящим детским книжкам, – и вдруг он уже читает Пушкина – ГОСПОДИ, ПУШКИНА, РЕБЕНКУ ЖЕ ВСЕГО ТРИ ГОДА!.. На Новый год Таня, запинаясь, бормотала «Идет бычок, качается» и спуталась на второй строчке, а Лева декламировал первую главу «Евгения Онегина».

– А это еще не все. Теперь – гвоздь сезона, то есть гвоздь обеда, – провозгласил Кутельман, – задача: когда идет дождь, кошка сидит в комнате или в подвале. Когда кошка в комнате, мышка сидит в норке, а сыр лежит в холодильнике. Если сыр на столе, а кошка в подвале, то мышка в комнате. Сейчас идет дождь, а сыр лежит на столе. Где находятся кошка и мышка? Лева?..

Лева – глазки, ресницы, щечки, лучезарная улыбка – мгновенно ответил:

– Кошка в подвале, а мышка в комнате...

Илья, Фира и Фаина ошеломленно молчали, перебирая в уме «кошка в комнате, мышка в норке, кошка в комнате или мышка в норке...». Лева быстрее взрослых – с техническим, между прочим, образованием – разобрался в мышках и кошках, – это их поразило. Сидели и думали – господа, боже мой, вот это да, ничего себе...

– А мы еще можем, – победно произнес Кутельман. – У Тани сто палочек, некоторые из них белые, некоторые черные. Известно, что хотя бы одна палочка черная, а из двух палочек хотя бы одна белая. Сколько черных палочек у Тани?

– Одна, две, три... – пробормотал Лева. Все напряженно смотрели на него. – Одна.

– Ты его подучил, вы договорились... – внезапно осипнув, прошептала Фира.

– Он просто угадал, он не может решить такую задачу, – улыбнулся Илья. – Левка, объясни, почему одна?

– Ну, это же задача! Дядя Эмка же сказал, из двух палочек хотя бы одна белая... Задача такая... – попытался объяснить Лева.

– Он хотел сказать – любой другой ответ противоречил бы условию задачи, в котором сказано «из двух палочек хотя бы одна белая», – с видом переводчика с не знакомого никому,

кроме него, языка пояснил Кутельман. – Ребенок не может объяснить, а решить может. Хотя ты прав, он не решает в нашем понимании, не перебирает варианты. Он как-то иначе это делает, по наитию. Это и есть неординарные способности.

Фаина посадила Леву к себе на колени и принялась гладить по голове, как-то странно гладить, истово и испуганно, как будто заглаживала его, заговаривала.

– Нет, ну это непонятно, это вопрос, – откуда у нас с Фиркой этот чудо-ребенок, мы-то сами не чудо, – растерянно приговаривал Илья.

– Чудо-ребенок, Моцарт в математике, – задумчиво подтвердил Кутельман.

И тут громко, с подвыванием, заревела Таня. К ней одновременно бросились все. Илья схватил Таню на руки и с ней вместе запрыгал по комнате большими прыжками, крича «я кенгуру, ты мой кенгуренок», поднимал ее высоко вверх, дул в нос, щекотал за ушком. Кутельман ходил за прыгающим с Таней на руках Ильей, неловко приговаривая: «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик». Фира торопливо засовывала ей в рот конфету, Фаина педагогическим голосом приговаривала: «Таня, ревновать к чужим успехам нехорошо, вот если бы ТЫ показала нам, что умеешь, мы бы ТЕБЯ хвалили».

– А-а-а... – отчаянно кричала Таня.

...Со стороны кое-что выглядело странным. Можно понять, почему Кутельман больше интересуетсялевой, чем собственной дочерью, – способный к математике Лева ему ИНТЕРЕСЕН, но почему Фаина как будто больше любит Фирино сына, чем свою дочь? Почему Лева в этой общей семье избалованный ребенок, а Таня ничуть не избалована?...Но это было не странно, если знать, что Лева – ЕДИНСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК, а Таня – ВТОРОЙ ребенок.

Через год после свадьбы Фаины и Эмки почти одновременно, с разницей в неделю, произошли два события, – у Фаины умерла мама, а у Фиры родился Лева. У беременной Фаины, такой, казалось бы, сдержанной, реакция на смерть матери была неожиданная – она собрала вещи и ушла из дома. Вернулась в свою комнату в коммуналке. Соседи сплетничали, что муж ее выгнал, а она просто не могла быть дома, как будто муж и тесть не могли понять ее горя, – только Фира, ей была нужна только Фира. Фира недоумевала, – неужели их отношения с Эмкой совсем не теплые, неужели Эмка не близок Фаине так, как ей Илья, до последней капельки? Ей бы в таком случае – не дай бог, конечно, пусть мама живет сто лет – нужен был только муж, она бы уткнулась в Илюшку так глубоко, как только можно, спряталась в нем от всех, от горя, от себя...

А Фаина уткнулась в теплую Фиру, спряталась в ней и в ее ребенке.

Фаина спасалась от тоски ребенком, бросалась на каждый звук, Фире Леву подносила только кормить. Помощь оказалась кстати, – Мария Моисеевна работала, всерьез помогать не могла, а Илья... с Ильей были сложности. Он как будто сердился на Фиру, что она теперь не только его любит. Боялся пеленать, боялся дать соску или воды из рожка, недоумевал, почему Лева плачет, – вел себя как старший ребенок, который мог бы уже и не доставлять хлопот, а за ним самим еще присмотр требуется. Пока Илья постепенно привыкал к ребенку, Фира с Фаиной были Леве как родители.

Соседка по коммуналке говорила: «Ох, он у вас будет балованный, евреи всегда своих детей балуют, лекарствами пичкают, кутают и прямо в пеленках учат читать и писать». Фира с Фаиной действительно растили Леву очень трепетно – баловали, пичкали лекарствами, кутали. Лева тем более был болезненный, капризный и хорошенький, как куколка.

Через три месяца Фаина вернулась домой, и спустя несколько дней родилась Таня. Три месяца Фаина нянчила Леву, не с полной ответственностью, не по-настоящему – все же она была Леве не мама, и Фира была рядом, всего три месяца, но последствия были настоящие – Таня для Фаины была ВТОРОЙ РЕБЕНОК.

А второго ребенка растят совсем иначе. Над вторым ребенком ей уже не хотелось дрожать, не хотелось кутать, пичкать, подсказывать на каждый звук, второго ребенка нужно было

не просто любить, а воспитывать. Фаина воспитывала Таню по доктору Споку, а по доктору Споку нельзя дрожать, кутать, пичкать, подсакивать, а нужно положить ребенка в кроватку и дать поплакать, а самой заниматься своими делами.

Несправедливо, когда один ребенок балованный-кутанный-пичканный, а другой по доктору Споку, но Фаина уже была опытная мама и понимала – ничего с ребенком не сделается, поплачет и уснет. Младенец Таня росла в строгости по доктору Споку, а в три месяца Фаина отдала Таню в ясли и поступила в аспирантуру.

...– Я... я... я... – всхлипывала Таня с конфетой во рту.

– Таня, у тебя тоже есть способности, ты их обязательно проявишь, – утешала Фаина. – Главное – упорно работать над собой. Но ты должна понимать, что бывают люди способнее тебя, что Лева талантливый, и это не причина для рева.

Таня выплюнула конфету и заплакала еще громче, приговаривая: «Я... я... я...»

Все думали, что Таня хочет сказать: «Я, я, я, – я тоже здесь, не только Лева». Что она ревет от ревности, от недостатка внимания, – надо сказать, вполне обоснованно ревет, девочка не виновата, что она не одаренный ребенок, а обычный. Но Таня пыталась сказать совсем другое, пыталась и не могла. Человек в три года не может выразить словами такие сложные чувства, которые испытала Таня, когда Лева мгновенно решил сложную задачу и взрослые обомлели, – изумление, любовь, осознание Левиного великолепия и своей малости по сравнению с ним. Таня плакала от прекрасности момента, плакала ОТ ЛЕВЫ, как чувствительные люди плачут от прекрасной музыки.

Лева удалился за шкаф – за шкафом была родительская спальня, кроватка и подоконник с игрушками, собственно, полуметровый подоконник был «Левиной комнатой», на подоконнике лежали игрушки и книжки, здесь же Лева расставлял солдатиков и возил машинки.

Комната Фаиной матери теперь принадлежала Фаине и стояла пустая. Фаина уговаривала Марию Моисеевну переселиться в эту комнату, намекала, как тяжело Фире с Ильей жить с ней вместе. В одной комнате с мамой было действительно невыносимо тяжело, любовь Фиры с Ильей превращалась в мучительный ритуал: подождать, пока затихнет мама, не раз прислушаться, шикнуть на Илью «ты что, тише!», вовремя придавить ему рот подушкой, чтобы не разбудил маму, не забыть и себе заткнуть рот подушкой, – Фирина любовь была громкая. На Фирины слова: «Если нам сейчас так хорошо, представь, как было бы, если бы мы были одни...» Илья смеялся – бодливой корове бог рога не дает. Фира обижалась: «Мой рог – это то, что я тебя люблю? Пожалуйста, тогда мне ничего не надо...» Илья улыбался – ты всегда первая не выдерживаешь... Но и он, конечно, устал, в одной комнате с мамой – это мучительство, а не любовь.

Но Мария Моисеевна, во всем покорная дочке, ни за что не хотела переселяться в Фаинину комнату, уперлась: «В чужую комнату непрописанная не пойду, нельзя, не по правилам, меня накажут»... И сколько Фаина ее ни уговаривала, сколько ни объясняла, что сейчас мягче закон о пропуске, чем прежде, что она имеет право кого хочет в свою комнату поселить, – нет, и все!

...Лева вынес плюшевого мишку, протянул Тане – на! У Левы такое светлое, доброе, щекасто-глазастое лицо, он сам похож на плюшевого мишку, – и от переполнявшей ее благодарности и восхищения Левогой, от невозможности выразить свое восхищение Таня заплакала еще громче.

Илья увел Таню за шкаф, открыл дверцу и посадил Таню в шкаф – на стопку Левиных рубашек. От неожиданности – вдруг оказаться в шкафу! – Таня замолчала, и Илья, быстро вытерев ей рубашкой слезы и сопли, подул в нос, пощекотал за ушком, нашептал глупые бессмысленные слова – «малыш-глупыш», «малыш-мартыш», «малыш-коротыш» – и через несколько минут вынес из-за шкафа уже улыбающегося ребенка.

– Девочки, это вы виноваты. Мы с Эмкой тщеславные дураки, а вы-то матеря, – вроде бы шутливо, но всерьез сказал Илья, – а матеря должны соображать, – этими аттракционами мы одного ребенка доведем до комплекса неполноценности, а другого до комплекса величия... Что, комплекса величия не бывает?..

Илья повернулся к Тане:

– Танька, не реви, комплекса величия не бывает! Когда Левка получит Нобелевскую премию, он нас не забудет!.. Девочки, можно нам с Танькой выпить за Левкину Нобелевскую премию?.. Будьте добры, Таньке «Колокольчик», мне «Столичную».

Таня потянулась со своим стаканом с лимонадом, чокнулась с Ильей. Илья посадил Таню на колени, прижал к себе, покачивая, как младенца.

– Наша Танечка, не плачь, тете Фире скоро медаль дадут, она тебе ее покажет, – меланхолично приговаривал он. – Или сразу орден – «Самый принципиальный учитель Ленинграда».

– Что случилось? – забеспокоился Кутельман. – Фирка, у тебя неприятности? Почему не говорила?

– Не говорила, потому что стыдно, – отмахнулась Фира, – в нашей школе и такое! Выяснилось, что одна наша учительница в конце года, перед тем как выставить годовые оценки, брала подарки от родителей. Подарки дорогие – коньяк, коробки конфет. Это взятка.

– Не может быть, – ужаснулась Фаина, – прямо не верится – конфеты, коньяк...

– Ну, ты представляешь?! Мы воспитываем новые поколения граждан, внушаем, что у нас все только своим трудом, – и вдруг такое! Позор, пятно на всей школе, на звании учителя! Все шептались по углам, а я не стала, прямо поставила вопрос на педсовете.

Илья все покачивал Таню на коленях и вдруг неожиданно резко раздвинул колени, и она провалилась – в ямку бух! – рассмеялась.

– Давайте я вам лучше анекдот расскажу, – предложил Илья. – Старый еврей говорит жене: «Знаешь, Сарочка, если кто-нибудь из нас умрет, то я, скорее всего, перееду в Одессу...»

...Было еще бесконечно много обедов. Танин рев, конечно, забылся, как забылось благое намерение не доводить одного ребенка до комплекса неполноценности, а другого до комплекса величия. Илья и Эмка продолжали соревноваться – чему еще можно Леву научить. Илья научил Леву играть в шашки, Эмка в шахматы, Илья тут же научил Леву сицилианской защите, Эмка ферзевому гамбиту... Так они и развлекались Левою, как заводной игрушкой, заводишь ключиком, и она безотказно прыгает. И каждый обед теперь превращался в математический аттракцион «Лева, посчитай, Лева, скажи...». К трем с половиной годам Таня съела под «Лева, а сколько будет... Лева, скажи...» десятки котлет, блинчиков, куриных ножек.

Кстати, кроме простеньких квадратных уравнений Кутельман планировал для Левы еще инварианты. Существуют задачи, в которых описываются некоторые операции, совершаемые над каким-то объектом, и требуется доказать, что чего-то этими операциями добиться нельзя. Решение состоит в отыскании некоторого свойства, которое сохраняется при операциях, но отсутствует в конечном состоянии. Такие свойства называются инвариантами. Например, задача: круг разделили на 6 секторов, в каждом лежит монета, за ход можно монету передвинуть в соседний сектор, можно ли собрать все монеты в одном секторе за 20 ходов?.. «Ребенку МОЖНО это объяснить, – радостно уверял Кутельман, – а потом я ему объясню полуинварианты...»

«Потом» оказалось значительно позже. Квадратные уравнения трехлетний Лева научился решать – подставлял в формулу значения чисел и получал ответ. А с инвариантами не вышло. Лева не смог.

«И слава тебе господи, не надо нам такого», – сказала Мария Моисеевна.

И правильно. НЕ НАДО НАМ ТАКОГО. Откуда-то она, необразованная, галошница, оказалась умнее умного Эмки Кутельмана. Слава тебе, господи, что Лева не смог. Лева был одаренным, талантливым, но совершенно НОРМАЛЬНЫМ, без патологии.

Дневник Тани

Я ЯЯ шесь лет Я есчо неумеу пысат
мама пиритшколай учитминЯкричит тычто неможеш букву д хвостиком наверх тупица
тряПочнаяЯ

ддддурак

Левкадуракурит тобагспики варут доманиночут

Амежду протчим фсе неумеютписат нитолкоЯ Левкака-нешноумет.

Вот люди важные вмаий жызне

моЯ мама

ана кондедаднауг любит книгТЯркино

уние принципы мне многожелЗЯ

нилЗЯ нилЗЯ прасить новыюкофту о трЯапках толко пустышки нилЗЯ никокда говорить
про денги что у маево папы балшЯзарплата патамушто уфсех меньше нелЗЯ зкзат што мой-
папа праффесор мойдедушк тожэ. этазнатчит Я хвастаюс ХотЯ пачему

нилЗЯ говорить унас балшЯквартира патамушто это-немоЯ заслуга адедушки

другиидети жывут вкамуналке Лева жывет камуналке Я далжназнат што Я никрасивая
Я далжна расчитоват насвою голаву аненанешность ана пройдеата абразавания астанитисЯ

исчо Мой папа

нистрогий униво нетпринципов патомучто он толкороботаает засталом. У папы адин
нидостаток онкуруит он гаварит сЛевой умных вещах фчера они гаварили немагу сказат про-
штопроцыфры

исчо тетЯФира нашидрузЯ анахарошае и дЯдЯИлюша все исчо не кандидат наук но Явсе-
равно еволюблунвиселый

мама считаает он гуляк ыли исчо леинтЯй

исчо мненилЗЯ спаршывать аткудо бирутца дети

исчо самое главно штоуминЯ это Лева

Яйго ллублу

Лева сомно нидружит ининадопадумаиш

* * *

Фаина с ее склонностью из воспитательных соображений преуменьшать Танины дости-
жения и никогда Таню не хвалить, прочитав Танин дневник, сказала бы, – ничего особенного,
писать многие умеют, к тому же Таня хвостик у буквы «д» не в ту сторону загибает.

Но из Таниного дневника понятно, что Таня Кутельман – интересная девочка. Описатель
жизни.

Дело не в том, что в шесть лет Таня уже вполне сносно писала, во всяком случае знала все
буквы и бойко складывала слова в предложения. Она дала осмысленные оценки своим родным,
обнаружив наблюдательность и умение выразить суть. Фаина, наверное, и на это бы пожала
плечами – ничего особенного, это типично девчоночье – оценивать, сплетничать.

Но Фаина так никогда и не прочитала Танин дневник.

В квартире Кутельманов было шесть комнат: комната деда, кабинет деда, спальня Эммы
и Фаины, кабинет Эммы, Танина комната и гостиная. Старший и младший Кутельманы сидели

каждый в своем кабинете, Фаина чаще всего была на кухне, а гостиная стояла пустая, и шестилетняя Таня прятала дневник в гостиной, в книжном шкафу, за собранием сочинений Горького. Фаина говорила – сейчас уже никому не придет в голову читать Горького.

Никаких интимных секретов в дневнике поначалу не было. Таня и не задумывалась, почему она не хочет, чтобы кто-то увидел дневник, очевидно, это был инстинкт защиты своего частного пространства, тот же инстинкт, что ведет девочек, когда они делают секретки. Вырывают в земле ямку, кладут серебристый фантик, наверх лепесток, сверху стеклышко, получается секретик.

Повзрослев, Таня прятала дневник с уже настоящими секретами – первая любовь, вторая любовь и так далее, прятала весьма изобретательно. Не под матрас или за батарею, как все, а будто научилась у Агаты Кристи не скрывать улику, а простодушно держать в самом очевидном месте. Все школьные годы дневник – тетради, конечно, менялись – лежал на ее письменном столе, и никому в голову не пришло, что посреди тетрадей в клетку за 48 копеек, по биологии, по химии, по литературе, есть одна особенная тетрадь. Исписанные тетради хранились все в том же детском месте – за собранием сочинений Горького.

Впрочем, все эти предосторожности были излишни. Фаина не стала бы читать дневник дочери, – все интеллигентные люди знают, что чужие письма и дневники читать нельзя, а она интеллигентный человек.

Из Таниного дневника понятно, как Фаина воспитывала дочь – «как положено в интеллигентной семье», ни на шаг не отступая от своих принципов. Мамины принципы Таня обозначила четко, стандартные интеллигентские принципы того времени: образование во главе угла и полное отрицание пола. Девочка должна расти, не культивируя свою женственность, лучше всего бесполой.

Услышав вопрос «откуда берутся дети», Фаина побледнела-покраснела, но собралась и четко выразила свою мысль – существуют тайные, плохие части тела, о которых интеллигентные люди не говорят и даже не думают. От этого разговора у Тани осталось убеждение, что она гадкая, раз спрашивает, и недоумение – как может быть плохой частью тела? Ведь быть плохим или хорошим – это сознательный выбор, а эта тайная часть тела ничего не выбирала, она не виновата, что она есть... Но Тани больше нельзя спрашивать, откуда берутся дети.

Бедная Таня, как же ей узнать, откуда берутся дети?.. Наверное, кто-нибудь во дворе расскажет.

Из Таниного дневника следует, что в семье Кутельманов произошли приятные события, – впрочем, не приятные, а ЗАСЛУЖЕННЫЕ. Фаина защитила диссертацию, стала начальником отдела. Молодец, добилась! А Эмка стал доктором наук. Это большая редкость, чтобы так быстро защитить докторскую, но с математиками и физиками это бывает, – если работа талантливая. А Эмка талантливый. В университете о нем уже не говорят «сын Кутельмана», говорят «молодой Кутельман» или «самый молодой». Эммануил Давидович Кутельман – самый молодой доктор наук на матмехе. У Эмки Кутельмана уже есть аспиранты.

Ну а Илья пока не защитился, и – немного настораживает – Таня пишет «он не кандидат наук, но я все равно его люблю». Кто же из взрослых в этой компании ставит свою любовь в зависимость от научной степени? Неужели Фира? Или сами Кутельманы?... И еще одно настораживает – «гуляк». Таня, конечно, имеет в виду «гуляка». Илья, что же, разлюбил Фиру?!

Первая запись в Танином дневнике без числа. Она пишет, что ей шесть и она должна идти в первый класс, – очевидно, это было лето 1973 года.

* * *

В 1973 году Таня Кутельман и Лева Резник пошли в первый класс. Косички корзиночкой, белые банты, белые гольфы, белые гладиолусы у Тани, серый пиджачок, мешковатые серые

брючки, красные гвоздики у Левы. У Тани на лице странное выражение – смесь восторга, недоумения и решимости не выпустить из рук тяжелого букета гладиолусов и не заплакать. Лева в школьной форме, в сером костюмчике, невозмутимый, нежный щекастый малыш, был уже не таким младенчески хорошеньким, чтобы называть его детским прозвищем Неземной, вместо теплых каштановых кудрей мальчишковая стрижка, такая короткая, что волосы казались совсем темными.

Фаина могла бы не учить Таню писать, оставить это учительнице первого «А» Коноваловой Ольге Николаевне, толстощекой крашеной блондинке, похожей на румяную пышку, присыпанную сахарной пудрой. Но Фаина хотела, чтобы ее дочь была успешной, – кричала, требовала, чтобы у буквы «д» хвостик был вверх.

В первом классе «а» школы № 206 писать и читать умела одна Таня. Не считая Левы, но Лева, как сказала Коновалова Ольга Николаевна, вне конкурса.

Первый раз в первый класс отмечали у Фиры.

... В этот раз обедали не в воскресенье, а в понедельник. Обед вне расписания был в честь Левы и Тани – этим утром для них прозвенел первый звонок.

Одновременно праздновали еще одно событие, – Кутельман получил приглашение на Международный математический конгресс.

Международный математический конгресс, самый влиятельный съезд ведущих математиков мира, созывался один раз в четыре года, последний конгресс проходил в Ницце, следующий будет в Канаде, в Ванкувере через год, в 74-м. Кутельмана пригласили прочесть доклад на секции математических проблем физики и механики. Приглашение на конгресс означало, что работа Кутельмана признана мировым математическим сообществом как наиболее яркая в своей области за прошедшие четыре года – есть что праздновать!

Повод для празднования был, с одной стороны, чрезвычайно значительный, с другой стороны совершенно смехотворный, – международный конгресс в Ванкувере будет через год, но Кутельмана на конгресс уже не пустили. Приглашение на конгресс пришло Кутельману на адрес университета, – на прошлой неделе вызвали в первый отдел и вручили, вернее, показали.

– Вы уж на нас не обижайтесь, – сказал начальник первого отдела, забирая у него приглашение и пряча в сейф.

Кутельман кивнул, – не обижаюсь.

Кутельмана не пустили за границу ни разу, ни на одну научную конференцию, приглашения копились в первом отделе университета, и он даже не обо всех знал. Кроме преподавательской и научной деятельности на матмехе, у Кутельмана было еще полставки по НИС, научно-исследовательскому сектору, в ЦНИИ Крылова. Несмотря на небрежное «полставки», теория оболочек, которой он занимался в институте Крылова, была не менее важная часть его научных интересов, чем кафедральные работы, возможно, более важная часть. Приложение теории оболочек – оборонная промышленность, это танки, самолеты, подводные лодки. У Кутельмана была первая форма секретности, самая жесткая. «Вы уж на нас не обижайтесь...» было нежным флером на грубой очевидности: обижайся-не обижайся, математика-еврея, имеющего отношение к оборонке, не выпустят НИ ЗА ЧТО.

– Ты мог увидеть Ванкувер... а следующий конгресс, возможно, будет в Париже. Я бы полжизни отдал, чтобы увидеть Париж... да и Ванкувер тоже... – мечтательно зажмурился Илья, и лицо у него стало как у Тани в ее первый школьный день, – восторг и недоумение. – Представляю, как тебе обидно...

Кутельман пожал плечами – Илья иногда ведет себя как ребенок! Разве дело в «увидеть»? Конференции – это возможность научного общения, а без научного общения не может быть полноценной науки. Ванкувер, Ницца, Париж... разве можно хотеть того, что ни при каких

обстоятельствах невозможно? Ему никогда не увидеть ни Ванкувера, ни Парижа, ни даже Болгарии. Что они все заладили – обидно ли ему?..

– Обидно, досадно, но ладно... – ответил он словами Высоцкого.

Радость от приглашения на конгресс уже была пережита, – в кабинете начальника первого отдела, так что празднование выходило совсем уж формальным, – что праздновать, приглашение в сейфе? – и героем дня или героем обеда был не Кутельман, а дети, первый раз в первый класс.

На расстоянии нескольких минут от Толстовского дома было три школы, две в Графском переулке, одна на Фонтанке. Логично было бы сразу же, без раздумий, отдать детей в школу на Фонтанке, где Фира могла бы за ними присматривать, но тут мнения Кутельманов и Резников разошлись. Кутельманы считали, что присмотр – не хорошо, а, наоборот, плохо. Вредно для формирования характера. У Левы и Тани не должно быть ощущения «блата», они должны чувствовать себя такими, как все, а не учительскими детьми. Фира не настаивала, не обижалась, не доказывала, ее правота – держать малышей под крылом – была настолько очевидна, что она только улыбнулась Фаине и Эмме, как несмышленным детям, и документы, и Левины, и Танины, отнесла в свою школу. Кутельманы еще что-то обсуждали, сомневались, решали, что важней, принципы или соображения удобства, а Таня была уже записана в 1-й «а» класс школы № 206.

– Левка, тебе в школе было страшно? – тихо спросила Таня.

– Человек испытывает страх, когда для страха есть причина, – так же тихо ответил Лева. – Причина может быть двух видов. Конкретная причина, например дикий зверь лев или пожар. Или придуманная причина, что ты сама себе навоображаешь. Давай рассуждать. Диких зверей в школе нет, пожар маловероятен... А придуманной причины для страха у меня тоже не было. Чтобы было не страшно, можно о другом думать, я в уме задачку...

– А ты не можешь просто сказать – чтобы было не страшно, я задачку решал, – недовольно вздохнула Таня и соврала: – Ну и что, мне тоже было не страшно.

Дикого зверя в школе, конечно, нет, а учительница?.. Вдруг она будет на нее кричать и обзывать тупицей тряпчонной?.. Левке-то хорошо, его никто не назовет тупицей тряпчонной.

– А мне купили скрипку, – похвасталась Таня, – я буду на скрипке играть... скрипка дисипля... дисципли...

– Дисциплинирует, – услышав, вмешалась Фаина. – Скрипка прививает человеку дисциплину.

Фира с Фаиной бегали с тарелками и блюдами из комнаты в коммунальную кухню и обратно, принося с собой случайные запахи чужой еды и папиросного дыма, Илья крутился вокруг проигрывателя, – пластинку с альбомом Wings «Wild Life» дали послушать на два дня, и Илья два дня слушал его в режиме нон-стоп: сначала любимейшая песня «Вір Вор», потом весь альбом и опять «Вір Вор»... а Кутельман сидел в кресле у окна, смотрел в пространство.

«Вір Вор», еще раз «Вір Вор», а Кутельман все сидел у окна, смотрел в пространство. Он часто так задумывался-замирал, и вдруг как будто приходил в себя, встряхиваясь, как собака, – это означало, что в голову пришла мысль, которую нужно записать, и он беспомощно оглядывался в поисках ручки и листа бумаги. Но мысли, бродившие сейчас в его голове, записи не подлежали. «...Нужно было не брать это письмо, – в который раз мысленно повторял Эммануил Давидович, – не брать, не брать! Нужно было сказать: «Вы ошиблись адресом, Давид Кутельман здесь не живет»».

С покупкой школьных принадлежностей для Тани протянули до последнего дня, и 30 августа Эмма пришел домой, донельзя измотанный, – полдня бегал от Гостиного двора к ДЛТ и обратно, сверяясь со списком. Ранец, мешок для сменной обуви, тетради в косую линейку, тетради для чистописания, ручка, карандаш мягкий, карандаш твердый, линейка, резинка,

пенал, картон, картон цветной, цветная папиросная бумага, чешки для физкультуры, обязательно белые... В ДЛТ не было цветного картона, в Гостином не было чешек, в ДЛТ чешки были, но черные... Кутельман поставил последнюю галочку в списке и уже почти подошел к дому, как вдруг вспомнил: а учебники, а букварь, черт его подери, – «мама мыла раму»?..

Англичанин вошел вместе с ним в лифт, помог ему вывалиться с пакетами из лифта, придержал дверь... и вышел вместе с ним. На слова «Does professor Kutelman live here?» Кутельман машинально кивнул, – он так устал, что просто кивнул и показал на дверь – здесь я и живу, я и есть профессор Кутельман... Англичанин с сомнением посмотрел на Кутельмана и уточнил: «Professor David Kutelman. He is supposed to be around 70...»

Англичанин на ломаном русском объяснил: он в Ленинграде с неофициальной миссией от Красного Креста. Люди пытаются найти своих родных, у него целый список адресов. Professor David Kutelman, очевидно, отец... и сын тоже профессор, это же настоящая научная династия, это впечатляет...

Ой... Как говорит Мария Моисеевна, «ой, боже ж мой!»... Глупо, непростительно глупо было продолжать разговор, но он постеснялся выглядеть идиотом. На слова «Does professor Kutelman live here?» он кивнул, – да, здесь. И что же, – испуганной курицей замахать крыльями, бормоча: «Нет, нет...»?! Постеснялся солгать, постеснялся увидеть вспышку понимающего презрения в глазах англичанина.

От письма нужно было отказаться. НЕ БРАТЬ. Англичанин этот, конечно, понятия не имеет, что это не обычное советское опасение, не трусливый отказ от родственников за границей, у него самая серьезная причина, какая может быть, – секретность в оборонке. Но Кутельман вдруг... с ним произошло что-то неожиданное, неопишное, наверное, Танин букварь в пакете так на него подействовал – вдруг он подумал фразой из своего детского букваря: «Мы не рабы, рабы не мы», – и взял письмо, и тут же ужаснулся своему мысленному пафосу, и смешливо подумал: «Мама мыла раму».

Письмо было от сестры отца, Иды. Короткое, неуверенное, оно ведь писалось в никуда, просто на всякий случай. Сухая информация: жизнь Иды в Америке сложилась успешно, в настоящий момент она является вице-президентом банка «Merrill Lynch», хороший сын, дочь неудачная, с дочерью не общаются... И только в конце, как будто другой рукой, скачущие строчки: «Если ты жив и не ответишь, я пойму. Давка, любимый братик, если ты жив...»

Невероятно, нереально! Сестра отца нашлась через – сколько лет? – через пятьдесят, после двух войн, после стольких лет железного занавеса... Она американизировалась, у нее уже не наше сознание – с неудачной дочерью не общается... Что ему со всем этим делать? Не сказать отцу о письме невозможно.

Но сказать означает признать факт получения письма из рук иностранца. При его форме секретности любой, даже самый невинный контакт с иностранцем – на улице, в кафе, по меньшей мере может повлечь за собой отстранение от работы, – это крах всей жизни, а при желании может быть истолкован как измена Родине. В любом случае это крах всей жизни. И ради чего это – крах всей жизни?.. Он не диссидент, не борец с режимом и вообще – НЕ БОРЕЦ. Он математик и занимается не только чистой математикой, работает на оборонку.

Поступить предусмотрительно, сказать отцу и предупредить первый отдел о том, что нашлись родственники за границей? Невозможно, порядочный человек не имеет с ними дела, не играет по их правилам, не стучит в КГБ на самого себя. Что НЕВОЗМОЖНЕЙ?

...Все невозможно. Но что же это за страна?! Что бы ни было, интересы Родины, оборонная промышленность, военные секреты, но, господи, что это за страна, которая не позволяет встретиться двум старикам даже в письмах... Блядская страна! – подумал Кутельман и испугался, – кажется, он впервые в жизни выругался матом, хоть и мысленно.

Как только они наконец сели за стол, Фира сказала:

– Эмка, расскажи сначала, как прошла защита твоих аспирантов, тебе же не терпится...

– На первом месте у него работа, на втором аспиранты, а семья у него на третьем месте, – шутливо, тоном сварливой жены сказала Фаина. Аспиранты были частью «работы», но так звучало драматичней, – семья на третьем месте. Ей нравилось говорить, что семья на третьем месте, – это правильно, так и должно быть, а лучше бы на пятом или на шестом...

– Один защитился блестяще, а другому кинули два черных шара, нужно посылать работу в ВАК. Ну, ничего, я им покажу, они у меня попрыгают, они у меня как миленькие признают свою предвзятость, свои ошибки... – воинственно сказал Кутельман. Он возился со своими аспирантами, как с детьми, и сейчас был так взволнован, будто это лично ему кинули два черных шара.

– Вот видишь, – в пространство сказала Фира. Все поняли, что означало это «вот видишь», – это было сказано Кутельману, но на самом деле не Кутельману, а Илье, и означало: «Вот видишь, жизнь идет, люди защищаются, а ты, когда уже ты?!»

– Профессор, у нас тут «первый раз в первый класс» или заседание Ученого совета? – отозвался Илья, и в его голосе прозвучало предостережение, не Кутельману, а Фире, это было «Фира, отстань от меня...». Прежде Фира с Ильей разговаривали друг с другом, а не через посредников, но кандидатская диссертация была больная тема.

Илья так и работал в Котлотурбинном. Ему повысили зарплату, после института он был инженер с зарплатой 105 рублей согласно штатному расписанию, а теперь инженер с окладом 110 рублей. Если он защитится, ситуация кардинально изменится – ему дадут старшего научного сотрудника с окладом 140, а то и 160 рублей.

Может быть, Фирино страстное желание, чтобы Илья стал кандидатом, неприлично? Стыдно из-за денег портить себе и мужу жизнь.

Но разве Фира из-за денег!..

– Я – из-за денег?! – возмутилась бы Фира. – При чем здесь деньги?! Человек обязан расти, развиваться, достигать! Это же для человека ЕСТЕСТВЕННО!.. Что же, Илья до седых волос будет инженером штаны просиживать, это же стыд-позор!

Она действительно считала, что «инженер – кандидат наук – доктор наук» – это естественный жизненный цикл, как биологический цикл «куколка-гусеница-бабочка».

Правда, если уж совсем честно, на доктора наук Фира даже в душе не замахивалась, как педагог она понимала – необходимо учитывать материал, с которым работаешь. Все же Илья, любитель преферанса, на мечту «доктор наук» не тянул.

Но кандидатом может и обязан стать каждый! Фира была в этом убеждена, и в своих мыслях она не была одинока, вместе с Фирой Резник целая армия технарей, инженеров НИИ, советских интеллигентов средней руки думала «диссертация, диссертация», мечтала о вожделенной кандидатской степени, – вот такой интеллигентский фетиш, знак, что ты чего-то стоишь.

Четыре года Фира спрашивала Илью, четыре года, каждый вечер: «Илюшка, когда ты начнешь?» Со временем в вопросе зазвучали другие нотки. Фира спрашивала: «Это что, только мне надо?! Ты что, сам не хочешь защититься?!»

– Фирка, давай лучше по Невскому погуляем, или Эмку с Фаинкой позовем... или сами к ним сходим...

– Вот именно, Эмка! Посмотри на Эмку! – с педагогическим напором говорила Фира. Она по-учительски была уверена – положительный пример должен сыграть положительную роль. Но Илья вел себя как самый плохой ученик – не поддавался воспитанию, но и не возразил.

Фира не сдавалась, теребила, настаивала, кричала, даже от постели его отлучала – ненадолго, на день-два, Илья над ней подтрунивал, – она так решительно объявляет мораторий на любовь, рукой прочерчивает между ними границу в постели – и не смей ни на сантиметр ко мне приближаться! – и всегда сама же первая переходит границу.

Иногда Фира шутила – вечером, когда Лева засыпал, а мама уходила к соседке, подкрадывалась к смотрящему телевизор Илье и рывкала мужу в ухо: «Где диссертация?! Ты что, не любишь меня, что ли?!» Илье смеялся, хватал ее, тянул за шкаф: «Сейчас ты увидишь, как я тебя не люблю!» И Фира таяла, распадалась на молекулы, – «распасться на молекулы» было интимное выражение, означало ее полную готовность к любви, таких интимных слов между ними было много, – и каждой молекулой любила Илью. Какой он красивый, остроумный, обаятельный, настоящий мужчина, она за него жизнь готова отдать!

Любовь любовью, но Фира не смирилась – она была не из тех, кто смиряется, кто покорно ждет у моря погоды! Она лопнет, а сделает из Илюшки человека!!

Разве это ради денег, это – ЖИЗНЕННЫЙ ПЛАН! Фира заранее все решила, все продумала: две карьеры на семью много, поэтому она и пошла в школу работать, в школе кроме зарплаты есть возможность репетиторства, – она будет работать, зарабатывать и даст возможность Илье защитить диссертацию.

Илье нужно было сдать экзамены, кандидатский минимум. Фира вечерами писала билеты по философии, чтобы ему самому не рыться в учебниках, конспектировала Гегеля, Маркса и Энгельса, подсовывала Илье готовые конспекты – глупо было надеяться, что Илье потратит свое вечернее время у телевизора на «Происхождение семьи, частной собственности и государства» или на «Материализм и эмпириокритицизм». Фира даже пыталась выучить английский, – в школе у нее был французский, а Илье нужно было сдавать английский, нужны были переводы технических текстов, «тысячи». Илье постоянно напевал себе под нос песни своего любимого Маккартни, выучил, как попугай, Uncle Albert – и это вместо того, чтобы переводить технические тексты?! Говорить Фира, конечно, не научилась, но хотя «тысячи» снились ей по ночам, недурно справилась с переводами.

Если бы можно было, она бы английский и философию из себя вынула и в его голову положила! Но Илюша у нее такой... особенный, ласково-ускользающий, вымыливался из ее рук, нежно говорил: «Фирка, завтра»... «Завтра?! – угрожающе шипела Фира. – А что СЕГОДНЯ?!»

Илье не приходило в голову расхрабриться и решительно сказать: «Я не хочу». Не хочу диссертацию, не хочу быть как Эмка. Ему не приходило в голову попытаться хотя бы мягче, в форме предположения, сказать: «А МОЖЕТ БЫТЬ, я не хочу диссертацию», даже такая беспомощная попытка была немыслима, – настолько было очевидно, что Фира права, а он двоечник. Он только иногда ласково огрызался: «Фирка, я твоя педагогическая неудача» – и уточнял: «Самая большая педагогическая неудача, самая красивая, самая сексуальная неудача...»

А Фира, между прочим, хороший педагог, Фире Зельмановне Резник давали самые сложные классы, к примеру 8-е, никто не мог с ними работать, а она справлялась, и не только строгостью и силой, а красотой, улыбками, блестящими глазами. В каждом классе по 40 человек подростков, – и Фире с ними легко, и все хулиганы у нее по струнке ходят, – а с одним Ильей не может справиться! Но ведь параллель 8-х классов на самом деле не такое уж важное дело, – если она не справится, кто-то другой возьмет. А Илье – это муж, если она не справится, кто его возьмет? Он без нее пропадет.

Кандидатский минимум Илье сдал, Фира добила, но с диссертацией пока никак... ну не может она написать за него диссертацию!

Написать не может, но может, чередуя нежность и строгость, заставить, направить. Итог Фириных четырехлетних трудов был не блестящий, но обнадеживающий: философия – четыре, английский – четыре, специальность – четыре, и все это было – любовь.

...Раздался звонок, потом еще и еще один, – звонили сразу во все звонки.

Фира возмущенно фыркнула, – что за наглость, – вышла в коридор, через минуту вернулась, объяснила:

– Близнецы из первого подъезда, ДОЧКИ. Надо же, отец большой начальник, а они бегают без присмотра, по квартирам ходят... Стоят на площадке, заглядывают в дверь – а Лева выйдет?.. Оч-чень бойкие девочки... Как они слевой познакомились?.. Девчонки не стеснительные, сами и познакомились, во дворе, и в гости пришли. Удивились, что в квартиру столько звонков, нажали сразу на все.

– Бедные партийные сироты никогда не видели коммуналку, – усмехнулся Илья.

Отец девочек, первый секретарь Петроградского райкома, этим летом получил квартиру в Толстовском доме. Теперь каждое утро во дворе стояла черная «Волга», такие «Волги» в народе называли членовозами. Сам начальник – человек еще не старый и, кажется, НЕ НЕПРИЯТНЫЙ. Во всяком случае, выходя из своей черной «Волги», здоровается, улыбается... А вот жена у него неприветливая.

– Это Алена с Аришей?.. Что вы им сказали? – взволнованно привстала Таня.

Алена самая красивая девочка во дворе, в классе, в мире, она как немецкая кукла с золотыми волосами и огромными голубыми глазами. Ариша – ее сестра, этого уже достаточно, чтобы быть особенной. Алена с Аришей обе особенные, неудивительно, что они хотят дружить слевой... А сней не хотят.

– Сказала, что мы обедаем, у нас праздник в честь Левы и Тани. А одна из них, которая повыше, говорит: «А можно нам с вами обедать, у нас тоже праздник, мы слевой в одном классе», – удивленно пересказала Фира. – ...Да уж, эти дети воспитанием не блещут. Мы с их родителями даже не знакомы, а они «можно с вами?»...

Таня сникла, – Алена с Аришей в одном классе С ЛЕВОЙ, а ее вообще не заметили!

Илья подмигнул детям:

– Таня, Лева, у меня для вас кое-что есть...

Илья обожал дарить подарки и всегда устраивал из этого целое представление: прятал подарки, рассовывал по углам записки с указаниями, дети должны были искать. В этот раз в кухонном шкафу лежали два набора чешских фломастеров.

– Пошли, дети... дети, кричите ура, у вашего папы бура, – приговаривал Илья, уводя детей.

– Вечно ты пересыпаешь свою речь картежными поговорками... Ладно, идите ищите подарки, – разрешила Фира и посмотрела на Фаину заговорщицким взглядом, словно запустила ее: «Давай начинай».

Фаина с готовностью вступила:

– Эмка, мы тут с Фиркой подумали – а что, если ты возьмешь Илюшку к себе? В целевую аспирантуру? Будешь его научным руководителем?..

– Илюшка просто застоялся, расслабился, вся эта жизнь в НИИ его затянула – колхозы, отгулы... – вступила Фира.

– Ты же знаешь, как Фирка за него переживает... – поддержала Фаина, и все это стало похоже на отрепетированный спектакль.

Эммануил Давидович, конечно, знал, – живя общей жизнью, как они жили, невозможно было не знать, как важна была для Фирки Илюшина защита, – и не знал, НАСКОЛЬКО важна для Фирки была Илюшина защита. Все же они встречались только за столом, только в приподнятом праздничном настроении, – как будто из года в год приезжаешь отдыхать в один и тот же курортный городок, кажется, что жизнь там – только море и солнце. Но в каждом доме шла своя жизнь, чужая жизнь, про которую невозможно знать все до самого последнего, стыдного. Откуда Кутельману за Фиркиной лучезарной улыбкой увидеть все ее «Илюшка, Илюшка, давай, Илюшка!..», как будто он спортсмен и никак не может взять высоту, или как будто он скотина, а она его погоняет...

– Эмка, отвечай быстро, пока Илюшка с детьми возится... – строго сказала Фира.

– Но я... – замялся Кутельман.

Фира посмотрела на него взглядом «никаких “но я”».

– Но Илюшка... – пробормотал Кутельман, и Фира посмотрела на него взглядом «никаких “но Илюшка”».

– Но ведь, не говоря обо всем прочем, у меня уже есть договоренность о новом аспиранте... и это, не говоря обо всем прочем... Илюшка сам не захочет ко мне! Он не знаком со сложным математическим аппаратом... Ты не сможешь его заставить! – бессильно вскричал Кутельман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.